

Валерий Пушной

ПОРЖЕСТВО
ПРЕВОТ

Валерий Пушной

Торжество тревог

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51563309

Торжество тревог:

ISBN 978-5-00025-199-7

Аннотация

Прошлое, которое главный герой пытался забыть и думал, что забыл, начинает к нему возвращаться. Его нельзя выбросить из жизни. С ним приходится жить до конца. Оно связывает по рукам и ногам, а иногда не оставляет выбора.

Содержание

Часть первая	4
1	4
2	14
3	18
4	39
5	52
6	56
7	61
8	78
9	88
10	97
11	106
12	113
13	118
14	127
15	130
16	132
17	139
18	153
19	159
Конец ознакомительного фрагмента.	167

Валерий Пушной

Торжество тревог

Часть первая

1

Павлу Хавину исполнилось пятьдесят.

Люди по-разному относятся к прожитым годам. Одни уверены, что это их богатство. Другие клянут по-черному, сожалея, что много было наделано ошибок, но уже ничего нельзя изменить.

За пять последних лет в личной жизни Хавина мало что поменялось. Он по-прежнему был богат, успешен в бизнесе, но одинок. Старые раны зарубцевались, воспоминания о прошлом притупились и ушли. Волосы уже серебрились проседью, и она придавала ему особенный шарм.

Юбилей отметил без особого шума и шика, пригласив в ресторан ограниченный круг знакомых. За полночь гости стайкой высыпали на улицу, провожать его. Свет от ярких светильников раздвигал темноту. Павел сел в автомобиль. Водитель завел мотор и тронул машину с места. Юбиляр отпустил узел галстука, расстегнул верхнюю пуговицу белой

рубашки, распахнул полы пиджака дорогого светло-коричневого костюма в полоску. Облегченно вздохнул. Прикрыл глаза и расслабился.

И в этот миг перед капотом в свете фар внезапно возникла женская фигура. Водитель резко ударил по тормозам, ругнулся и выскочил из автомобиля. Павел ничего не понял. Но тоже торопливо выбрался из салона. На асфальте лежала женщина в длинном сарафане с глубоким вырезом на груди. Подол смят, из-под него торчали стройные ноги в босоножках. Водитель склонился и громко возмущался над нею:

– Дура, ты чего под колеса кидаешься? Кто тебя учил шнырять перед машиной на дороге?

Хавин присел на корточки, заглянул в ее лицо. Увидел слабую виноватую улыбку. Молодое лицо было обыкновенным, не скажешь – красивое, но и некрасивым не назовешь. Мелькнуло в голове, что в ресторане оно попадалось ему на глаза. Просто на себя обращали внимание длинные вьющиеся волосы.

Девушка попыталась сесть и ойкнула. Павел подал руку и подставил плечо. Она обхватила его за шею. Тонкий аромат духов говорил о хорошем вкусе. Девушка села. Ее длинные ногти впились Павлу в кожу. Он помог ей встать на ноги. Вокруг столпились гости Павла и спутники девушки. Раздался возмущенный крик подруги пострадавшей:

– Вы что людей давите?! Глаза залили? Ларисочка, как ты? Жива? Жива? Отойдите от нее, преступники! Лариса,

где болит? Где, где? Сначала наехали, а потом людей к ней не подпускаете! Я ее подруга, и медсестра, между прочим, а вы кто такие?! Не смейте прикасаться к ней, бандиты!

Подвыпивший парень рядом поддакивал.

Лариса оторвалась от Хавина, покачнулась. И он решительно подхватил ее под руку:

– Едем в больницу!

Она попыталась противиться, но сопротивление было слабым, и Павел не обращал на него внимания. Водитель распахнул дверь авто, Хавин посадил девушку на заднее сиденье, сел рядом. В этот момент подруга Ларисы открыла дверь с другой стороны автомобиля и, не спрашивая согласия, втиснулась в салон:

– Я с вами. – Она также была в длинном сарафане: закрытая грудь и открытые плечи.

– Никуда я не поеду! – вдруг заявила Лариса. – Пусти, Октябрина, я выйду! – Толкнула подругу в бок.

– Сиди! – прикрикнула та и захлопнула за собой дверь.

В дороге Лариса помалкивала, зато Октябрина разошлась не на шутку. В затылок водителю обвиняла его, угрожала, называла бездарным водилой. Смотрела на Хавина, но, видя, что тот не склонен пререкаться, недовольно фыркала, раздувала ноздри. И снова сыпала слова как из рога изобилия. Речь была складной и грамотной. Павел про себя отметил это. Однако излишняя разговорчивость ему не нравилась.

– А вы случайно не день рождения праздновали? – спро-

сила Октябрина у Павла и, не дождавшись ответа, продолжила: – Я тоже вместе с друзьями отмечала день рождения. Вот как совпало. А мне друзья перстень подарили. Посмотрите, – она протянула Хавину узкую руку с длинными красивыми пальцами. На среднем в полутьме салона Павел увидел небольшой перстень с камнем.

В приемном покое дежурный врач осмотрел Ларису, а Хавин разглядывал Октябрину. Ее внешность, как и у Ларисы, не была броской, но была миловидной с хорошими формами и приятной улыбкой. На вид ей было лет двадцать. От его взгляда она смущалась и теряла словоохотливость. Но не отводила глаз. И неожиданно, отбросив стеснение, спросила его имя. Он ответил.

– И сколько же вам стукнуло сегодня? – воскликнула с любопытством.

– Пятьдесят, – сказал он.

– Ну, надо же, – по-детски удивилась она, – не подумала бы. А мне двадцать три, – сообщила тут же.

– И я бы не подумал, – парировал в ответ Хавин.

– Что, выгляжу старше?

– Наоборот, – улыбнулся Павел.

Дежурный врач посоветовал оставить Ларису в больнице, у нее было сотрясение мозга. Она стала отказываться, но Октябрина прикрикнула:

– Не капризничай, доктору лучше знать! – И врачу: – Она остается, доктор!

Хавин удивился, что Лариса сразу притихла и подчинилась Октябрьине, та определенно имела на подругу влияние. На улице Октябрьина первая прыгнула в машину Павла и, когда тот сел рядом, спросила:

– Надеюсь, вы меня не бросите здесь посреди ночи, подвезете до дома? – и назвала район, где проживала.

Водитель ошеломленно обернулся на Хавина, ехать надо было в другой конец города. Но Павел кивком головы согласился подвести девушку.

Время отсчитывало ночные часы. Октябрьина поправляла волосы, выдавая напряженное состояние. Ехали быстро, улицы ночной Москвы купались в огнях. Павел молчал. Может, стоило поинтересоваться, кто была эта девушка, чем занималась, но он не проявлял интереса. И Октябрьина почувствовала его безразличие. Ее это задело. Возмутилась в душе.

– Так и будете ехать, как индюк надутый? – буркнула вслух.

Павла удивил ее тон, и он не ответил, только пожал плечами. Но она не замолчала.

– А что подарили вам? – Октябрьина видела на переднем сиденье рядом с водителем подарки и цветы, которые сложили гости Павла. – Как-то нехорошо получается. Я показала вам свой подарок, а вы нет.

Павел усмехнулся и снова пожал плечами: глупо было бы исполнять желание случайной знакомой, тем более что он не

просил ее показывать перстень. Ко всему, он прекрасно понимал, что просьба Октябрины связана с желанием узнать больше о нем. Это немного позабавило его. Но ее можно было понять, в глазах девушки он казался хорошей добычей, упустить такую будет обидно. Ничего осудительного в этом нет: женщина должна стремиться к благополучию.

Его молчание ущемляло ее. Октябрина фыркнула и отвернулась к стеклу, взгляд пополз по домам. Девушка вела себя, как капризная девочка, у которой все написано на лице. И как ни странно, именно это произвело на него впечатление.

Водитель свернул в переулок, машина замедлила ход. Подъехали к дому, где жила Октябрина. Она бросила последний разочарованный взгляд на Павла и открыла дверь. Не оглядываясь, направилась к подъезду. Хавин обратил внимание, как она выпрямила спину и вскинула голову. Когда скрылась в подъезде, Павел расслабился.

Уже порядочно отъехали, как вдруг Хавин обнаружил сбоку на сиденье дамскую сумочку Октябрины. Остановил автомобиль. Водитель оглянулся, понял, в чем дело, и проворчал:

– Вот раззява! Зато языком молотит, как хорошая мельница.

– Возвращаемся, – сказал Павел. – Надо отдать.

Машина описала круг. Уже въезжали во двор, когда увидели у знакомого подъезда темный автомобиль. Кто-то юркнул в него, и он покатил вдоль дома и за угол. Хавин протя-

нул дамскую сумочку водителю, чтобы отнес.

Тот вылез из машины, глянул на окна, надеясь увидеть, где на втором этаже горит свет, и ничего не обнаружил. На лестничной площадке второго этажа замер, пытаясь угадать, в какую дверь из трех позвонить. Замешкался и нажал на кнопку звонка ближайшей к нему двери. Никто не ответил. Тишина была и за двумя другими дверьми. Водитель потоптался-потоптался на площадке и спустился вниз.

– Облом. Никаких звуков, – сообщил Павлу и заметил: – А вы знаете, мне показалось, что это она садилась в автомобиль, который отъехал перед нами.

– Ладно. Поехали домой, – сказал Хавин. – Завтра, точнее сегодня днем, отвезешь в больницу, отдашь Ларисе. Подруги разберутся между собой.

В тот же день, после обеда, водитель отвез Павла в офис и отправился в больницу. А через два часа возник в дверях кабинета Хавина с растерянным лицом и сумочкой Октябрины в руках. Положил ее на стол Павлу и путанно объяснил, что Ларисы в больнице нет и никто из медперсонала не знает, о ком идет речь. В приемном покое в журнале есть запись о ее осмотре и все.

Хавин был озадачен. Странные девушки. Ненормально возникли и так же исчезли. В принципе, можно было забыть об этом, но Павлу захотелось разобраться до конца. Он поручил секретарю разыскать дежурного врача ночной смены.

И по телефону связался с ним. Врач сообщил, что Лариса после отъезда Хавина отказалась идти в палату. Некоторое время еще провела в приемном покое, потом вышла на улицу, и что было дальше ему не известно.

Павел положил трубку, взял дамскую сумочку и покрутил в руках. Копаться в чужих вещах для него было равноценно чтению чужих писем. Но на сей раз содержимое сумочки могло помочь найти хозяйку. Однако надежда не оправдалась: в сумочке были женские принадлежности для макияжа, кошелек с небольшой суммой денег да ключ. Возможно, от квартиры.

Хавин предположил, что без ключа девушка не смогла войти в квартиру, потому и произошли все последующие события. И сделал вывод, что Октябрина непременно попытается разыскать его. Так и случилось. Через трое суток она появилась у него в кабинете. В красном топе и черной юбке. Осмотрелась, восхищенно присвистнула:

– Ну и ну. Вот попала.

– Как же вы меня нашли?

– А на что ресторан? Там и подсказали.

Он вернул ей сумочку:

– Не будьте больше такой рассеянной.

– Это я-то рассеянная? – возмутилась Октябрина. – Вы увезли мою сумочку, а я рассеянная?

– Мы возвращались, но вас уже не было.

– Если бы не подруга, ломать бы замок пришлось. Вре-

менно обитаю у нее.

– Значит, вы знали, что она отказалась идти в палату?

– Это она знала, что я за нею вернусь, – засмеялась Октябрина. – Я ведь медсестра, знаю, что нужно делать при сотрясении, тем более когда есть диагноз врача.

– Ну, что ж, удачи вам, – проговорил Павел и склонился над бумагами, давая понять, что разговор закончен.

Но Октябрину это не устраивало. Впервые по нелепой случайности ей удалось познакомиться со столь богатым человеком, и она не хотела выпускать из рук удачу. Кто знает, может быть, это не просто случай, а нечто большее. Хавин производил на нее впечатление. И ей не хотелось верить, что она не вызывала у него интереса. Понимала, если сейчас возьмет сумочку и покинет кабинет, на этом все знакомство завершится. И она пошла в атаку. Беспроигрышный женский прием.

– Выставляете меня за дверь?! – воскликнула возмущенно. – Сбили машиной на дороге человека и решили, что отделались легким испугом? А какие могут быть последствия у Ларисы от травмы? Голова – это не шутки. На вашем месте стоило бы проведать ее. Может быть, чем-то помочь. Теперь уколы и таблетки – не дешевое удовольствие.

Павел удивленно оторвался от бумаг, выслушал. Попросил оставить адрес и пообещал направить к Ларисе водителя. Октябрина поняла, что Хавин снова выскользнул из ее рук.

– Водитель это хорошо, – продолжила она. – Но владелец

транспортного средства, наверно, вы, стало быть, вам и возмещать вред. От вас не убудет, если проведаете Ларису сами.

Павел усмехнулся, Октябрина была не глупа, это ему понравилось. Он любил умных людей. Трудно с дураками, особенно когда они убеждены, что умны. Но молодость и неопытность Октябрины выдавали ее с головой: она явно хотела привлечь его внимание. Хавин видел ее потуги и уступил:

– Ну, хорошо, хорошо, пусть будет по-вашему. Я найду время. Впрочем, можем съездить прямо сейчас, – посмотрел на часы. – Не возражаете?

Октябрина, конечно, не возражала. Павел встал из-за стола и пошел из кабинета следом за нею. Она быстро перебирала красивыми ногами и заметно играла бедрами. Губы Хавина тронула улыбка.

На улице стоял обыкновенный летний день. Они сели в машину, и автомобиль выехал на дорогу. Асфальт играл солнечными бликами.

2

Адаевский раздобыл за прошедшие годы, лицо округлилось, появился небольшой животик, но сохранились прежняя нескладность в движениях, торопливость в речи и прыгающий на горле кадык.

С годами у любого человека меняется внешность, но повадки изменить трудно. Можно попытаться «загримировать» их, однако любой грим смывается. Природа все равно возьмет верх.

Пять лет назад, после известных событий, Анатолию пришлось с головой окунуться в проект. И одному вытягивать дело в гору. Хавин больше не появлялся в их городе. Не мог переступить грань собственной раны и вины, не мог посмотреть в глаза тем, кто считал его повинным во всем.

Железный Аспенский неожиданно для всех надломился и запил. Печаевы наглухо закрылись ото всех. Алла Истровская втянулась в новый бизнес не сразу.

Анатолию было нелегко, но он закусил удила. И все получилось. Его отношения с Аспенским и Печаевыми складывались трудно, сухо, по-деловому. С Истровской наладилось более-менее, однако при встречах с нею они старательно обходили темы, в каких присутствовал Хавин. Все было сложно и запутанно, но это устраивало всех, потому что обрело устойчивые рамки.

Алла внешне почти не изменилась, такая же стройная и со вкусом одетая, но в ее глазах появилось вдумчивое выражение, хотя она по-прежнему варилась в котле страстей. Не могла остановиться. А возможно, просто боялась оставаться одна. Одна, она всегда чувствовала себя потерянно, будто находилась в безвоздушном пространстве.

Но однажды, беседа с Анатолием, Истровская сказала, что была бы не против взглянуть на Хавина. Наверно, брюшко отъел, как и Адаевский. Тот удивился ее желанию, столько лет прошло, никогда не вспоминала, уже забыть должна, и вдруг. Неужто все возвращается на круги своя?

– Собираюсь на днях в Москву, – сказала Алла. – Любопытно было бы увидеть.

Истровская занималась сетью магазинов. Хорошо все раскрутила. Анатолий ее работой был доволен.

Но, съездив в Москву, она о Хавине больше не вспоминала. И Анатолий ни о чем не спрашивал.

Стержень, на котором все у Аспенского держалось, после похорон жены и дочери сломался. Константин разом утратил опору в жизни, стало ясно, силу свою он черпал в тех, кого унижал и мучил. Такой была его любовь.

Пил с тупым упрямством, бутылку за бутылкой, потом валился на диван и спал беспробудным сном, затем опять пил и опять спал. Когда кончалась водка, отправлял домработницу за новой партией, и все продолжалось сначала. Домработница вздыхала, боялась противиться, молчала.

Длилось это месяца три. После чего посмотрел на себя в зеркало и не узнал. Оплывшая физиономия привела в шоковое состояние. Две недели приходил в себя. Чувство ненависти к Хавину разрывало. Иногда готов был сорваться с места и ехать в Москву, чтобы собственными руками придушить Павла. Ведь тот вторгся в его семью и разрушил все. Константин не мог признать, что благополучие своей семьи он поломал собственными руками. Видел лишь то, что хотел. Знал, что Печаевы находились в подобном положении. И это сближало его с ними. С ними первыми пошел на контакт.

Печаевы тяжело перенесли смерть сына. Андрей замкнулся в себе и осунулся. Марина выплакала все глаза. И только ее сила воли медленно вернула их к жизни. Впрочем, это уже не была прежняя жизнь. Ибо понятно, что так, как было раньше, никогда не будет. Смерть единственного сына – невосполнимая утрата, страшная, дикая. Кто бы мог подумать, что любовь доведет его до смерти? Они, как и Константин, винули Хавина.

Между ними и Аспенским завязалась новая странная связь, замешанная на ненависти. Иногда Константин заезжал к ним и просто долго сидел на одном месте, ничего не произнося, потом поднимался и так же молча уходил. Печаевы тоже молчали. Они без слов понимали друг друга. В головах зрели разные мысли о мести. Но Аспенский осознавал, случись сейчас что-то с Павлом, первым подозреваемым будет он. Потому не торопился. А ярость Марины временами

прорывалась наружу, и приходилось гасить ее. Время летело, постепенно снова сошлись с Адаевским. Вернулся интерес к бизнесу. Теперь правила диктовал Анатолий, и им приходилось глотать это. Между тем Константин стал замечать за собой нерешительность и равнодушие. Смерть Павла переставала быть его идеей. Ведь ничего уже не вернешь. Все вокруг тяготило. Но Марина с течением времени не стала мягче. Мужа называла хлебным мякишем. И с сожалением смотрела на сломленного Аспенского.

Ее будоражила мысль о возмездии, словно душа сына просила об этом. Теперь она чувствовала себя крепче мужчин. Они оказались бесхребетными и бесполезными. Время не лечило раны Марины. Напротив, воспоминания становились острее. Они изматывали. Они самое себя призывали найти выход из положения. И она собиралась это сделать. Нельзя прощать того, что простить невозможно. Надо уничтожить Хавина, не убивая физически. А может, и физически. Только нужно придумать, как. Женщина от природы обладает таким даром, но этот дар надо разбудить, заставить работать. Она постарается. Изю всех сил постарается.

3

Кристина вышла из автобуса и вздохнула полной грудью. Площадь перед автовокзалом кишела людьми. Все куда-то спешили с сумками, свертками, чемоданами, детьми. Толкались, не замечая друг друга. Она осмотрелась и двинулась к метро. Людской поток вынес к подземному переходу.

После событий пятилетней давности Кристина покинула свой город, съехав со съемной квартиры, и подалась в областной центр. И никогда не возвращалась туда, где желание устроить судьбу обернулось для нее полным разочарованием. Она оказалась никому не нужной, как будто выброшенной из жизни. Но и в областном центре прижиться не удалось. Поменяла много профессий, имела разных партнеров в постели, но не встретила того, за кем пошла бы и в огонь и в воду.

Измельчали парни, думала Кристина, превратились в аморфных существ, неспособных защитить женщину, стать опорой. И любить не умеют, и пожертвовать ради женщины не могут. Так и норовят сами сесть девушке на шею. Обезличили себя. Появился странный безликий подвид существ – гомосексуалист. В результате женщины сами сели за руль, идут в бизнес, в политику, а мужчин используют как подручный материал. Что ж, размышляла она, сами виноваты.

И тем не менее, отмечала, жизнь сурова к женщинам. Ведь

в школах девочки зачастую учатся лучше мальчиков. Но за ее порогом школьные посредственности быстрее выбиваются в люди, приходят во власть на разных уровнях. А девочек, отличниц и хорошисток, нередко засасывает быт, воспитание детей и уход за мужьями-троечниками, чьи посредственные способности бьют по нормальным людям. Оттого жизнь плохо устроена, полагала Кристина, что троечники у власти. Пора женщинам брать все в свои руки.

Ей до чертиков надоел областной центр, и она решила уехать в Москву. Кристине твердили, что красивым иногородним девушкам в Москве одна дорога – на панель. Но она не собиралась опускаться до панели. Она испытала много трудностей, подчас было невыносимо, но никогда не падала низко. Набила кулаки, приобрела опыт выживания и намерена была любой ценой пробить себе дорогу в городе больших возможностей.

На ее телефонные звонки отозвалась двоюродная сестра, пригласила к себе на время, пока Кристина подыщет работу и жилье. Она поехала. С собой прихватила небольшую сумку, в которой уместился весь скарб. В дорогу надела джинсы и легкую светлую блузку.

С автовокзала Кристина направилась по адресу. Через час стояла перед дверью квартиры. Позвонила. После недолгой тишины раздался щелчок замка. Дверь открыла Лариса в коротком домашнем халате и тапочках с большими помпонами.

Девушки окинули друг друга взглядами, как бы прикидывали, насколько каждая из них повзрослела после последней встречи. Наконец Лариса отступила от двери, пропуская Кристину внутрь:

– Давай смелее, я одна. Не обращай внимания на бедлам, я болею, постельный режим у меня. Подруга Октябрина не разрешает подниматься и навести порядок.

– Может, я не вовремя? – приостановилась в прихожей Кристина.

– Ерунда. Скоро все пройдет. Октябрина собирается перебраться к себе домой. Мы с тобой будем вдвоем. Проходи, проходи. Садись.

В комнате был диван, два кресла, стол, стулья, шкаф, уголок для посуды, тумбочка с телевизором. На экране что-то мелькало, звук приглушен до минимума. Кристина села в кресло и с удовольствием вытянула ноги. Лариса опустилась на диван.

– Чем думаешь заняться? – спросила.

– Я не боюсь никакой работы, – ответила Кристина, вздернув острый носик. Она твердо знала, что должна вырваться из круга неудач, которые преследовали ее последние годы. В глазах Ларисы уловила сочувствие и поморщилась. Она не любила, когда ее жалели, хотя, возможно, эта нелюбовь была связана с тем, что ее никогда по-настоящему не жалели и она не знала, что это такое.

У Ларисы с детства было все устроено лучше, чем у Кри-

стины. Неконфликтная, с мягким характером, без когтей и кулаков. Как-то все тихо, мирно, по полочкам разложено. Любимая дочка. Вот и квартира – подарок от родителей. Однако Кристина не завидовала, жизнь длинная, надо суметь схватить удачу и не выпустить до конца. Надеялась, что свою удачу она скоро поймает.

Беседовали сестры около получаса, пока не услышали, как открылась входная дверь и в прихожей раздались голоса. И тут же в проеме комнатной двери возникла Октябрина. Замерла удивленно, вопросительно уставившись на Кристину.

– Познакомься, – проговорила ей Лариса. – Это Кристина, моя двоюродная сестра. Приехала ко мне. Поживет пока у меня. – И Кристине: – Это Октябрина, моя подруга. Я говорила тебе о ней.

Октябрина никак не отреагировала на слова подруги, но Кристине показалось, что на лице у той мелькнуло недовольство. Она ступила в комнату и произнесла:

– Я не одна. Со мной гости. Приехали тебя проведать.

Лариса смутилась, увидав в дверях Хавина с водителем. Подумала, что плохо причесана. Поправила длинные волосы, сунула глубже в тапочки красивые ноги.

Павел поздоровался, водитель тоже буркнул из-за его плеча. Лариса улыбнулась виноватой улыбкой. Кристина выпрямилась в кресле и ответила на приветствие, заметив, как Хавин задержал на ней взгляд. Октябрине не понравилось это, она чуть нахмурилась. Лариса испытывала неудобство, что

люди беспокоятся из-за нее. Ведь это она виновата, что угодила под машину. Оплошала. Да и потом, все хорошо закончилось. Зачем людей напрягать? От растерянности забыла предложить гостям стулья. Выручила Кристина. Подскочила с места и выдвинула из-за стола два стула.

Октябрина сглотнула слюну и посмотрела с раздражением, ее опередили, как будто вырвали из рук инициативу. Она оттеснила Кристину, заслоня собой от Хавина и давая ей понять, что не стоит совать нос туда, куда не просят.

Павел сел, спросил у Ларисы, в чем та нуждается. Девушка покраснела, закрутила головой, отказываясь от помощи. Октябрина прикрикнула на нее и пояснила, что подруга просто стесняется. А Кристина, удивившись окрику Октябрины, отодвинулась и отвернулась. Хавин посмотрел на Кристину пристально, дольше обычного и снова заговорил с Ларисой. Та отвечала на вопросы скованно, тихо, коротко.

Октябрина нетерпеливо порывалась что-нибудь вставить, поправить подругу, но Павел взмахом руки останавливал ее, изредка бросая взгляды на Кристину. Октябрина замечала это и начинала внутри себя беситься. Откуда выплыла эта новоявленная сестра, не вовремя и не к месту! Вдобавок еще и Кристина стала косить глазами на Хавина. Уж это было сверх всяких ожиданий. Октябрина почувствовала резкую неприязнь к сестре Ларисы. Из-за той ее планы, похоже, превращались в мыльные пузыри.

Недавно ей казалось, она непременно заинтересует Хави-

на, нужно только время, чтобы расставить ловушки, а затем однажды захлопнуть их. И вдруг, неожиданно-негаданно ниоткуда появилось неприятное нечто. Надо бы разузнать, черт побери, что это за явление.

Павел поднялся, собираясь попрощаться. Но тут совсем некстати Лариса остановила его:

– А можно вас попросить помочь моей сестре? – показала на Кристину. – Она хорошая, она очень хорошая. Но она никого не знает в Москве.

Октябрина остолбенела, хотела прервать подругу, заткнуть ей рот. Меняла выражение на лице, надеясь, что Лариса поймет и остановится, но Лариса не умолкала, нахваливая сестру, пока не излила все, что хотела. Кристине сделалось неловко от ее слов, потому что половина из того, что она услышала, было фантазией Ларисы.

Павел выслушал, посматривая на Кристину, и кивнул. Лариса обрадованно растянула губы в улыбке, выпалила:

– Кристину, проводи гостей.

Та, смущенная похвалой, торопливо прошла к двери, открыла, пропустила водителя и Хавина, вышла на площадку следом за ними и остановилась.

– Ну, что же вы остановились? – оглянулся Павел. – Провожайте и дальше. И скажите сами о себе пару слов. А то сестра вас так расхвалила, хоть ставь на пьедестал.

– Вы извините ее, – пролепетала Кристина, трогаясь с места. – На самом деле я совсем не такая.

– Какая же вы? – спросил Хавин, спускаясь по ступеням.

– Обыкновенная, как многие, – ответила девушка. – Приехала в Москву за удачей. Хочу устроиться на нормальную работу. Остановиться пока негде. Спасибо сестре, временно приютила. Мне очень стыдно стеснять ее, совестно. Надеюсь в скором времени снять где-нибудь угол. Так что, как видите, идеального во мне мало. Лариса много вам наговорила, но все это не про меня.

– Ну, почему же? – приостановился Павел. – Ее мнение о вас это взгляд со стороны. А со стороны, как говорят, виднее.

Кристина замерла у него за спиной. Водитель уходил вниз, громко топая ногами по ступеням лестничного марша. Хавин не двигался. Слушал сбивчивое дыхание девушки сзади.

– И какая помощь от меня вам нужна? – спросил, не оборачиваясь.

– Спасибо, мне не надо помогать. Я сама. Я всегда сама, – тихо отозвалась она.

– Но я пообещал Ларисе, – выговорил Павел, повернулся. – Вы – красивая девушка. Я подумаю, как вам помочь, – взял ее за руку и потянул за собой. – Пойдемте. Идите, идите, не задерживайтесь.

Кристина не сопротивлялась. Не было желания противиться, напротив, тепло разлилось по телу и хотелось, чтобы Хавин не выпускал ее руку. Она чувствовала, как его пальцы крепко сжали ее.

– А знаете что, – уже на улице проговорил он, – отвезу-ка

я вас в хорошее место.

– Куда? Зачем? – выдохнула она.

– Там вы не будете стеснять свою сестру, – ответил Павел. – Поживете, пока не снимете комнату.

– Ну, я не знаю, – сердце ее часто забилося. – Мне так неудобно обременять вас.

– Глупости. Садитесь в машину, – слегка подтолкнул Хавин.

Водитель открыл дверцу, она сконфуженно забралась в салон, чувствуя, как горят щеки.

В это время Октябрина лихорадочно отчитывала Ларису за то, что та не вовремя высунулась со своим языком, не могла помолчать, ведь никто не просил расхваливать Кристину и отправлять ее провожать гостей. Вылезла с дурацкими просьбами и все испортила своей подруге. Лариса пыталась оправдываться, она же ничего не знала, и даже не догадывалась, что подруга имела виды на Хавина.

Октябрина раздраженно отмахнулась, подошла к окну и остолбенела от изумления, увидев, как Кристина села в машину. Ее ноги стали ватными. Девушка тонко заскулила, как маленькая собачонка, понимая, что мечты превращаются в прах. Из глаз неожиданно покатались слезы. Она плюхнулась в кресло, всхлипывая и повторяя одни и те же слова:

– Ну почему, ну почему, почему, почему?

Лариса пугливо сползла с дивана и присела на корточках перед Октябриной. Стала успокаивать подругу, гладить ее

колени, шептать:

– Ну прости, прости, я сглупила, я больше не буду.

Октябрина оттолкнула ее, вскочила на ноги и выбежала за дверь. В другой комнате увидела на полу сумку Кристины, яростно пнула ногой, еще и еще, и пинала, пока не остановила Лариса.

Потом обе сели на кровать, и Октябрина потеряно спросила:

– Ну почему мы с тобой такие невезучие?

– Ну как же невезучие? – не согласилась Лариса. – Вот мне повезло, машина не задавила. А ведь могло быть иначе. И ты не жалеешь, еще неизвестно, кому больше повезло.

Павел сказал водителю, куда ехать, и Кристина поняла, что в ее судьбе начинают происходить перемены. Сбокуглянула на Хавина. Зачем ему помогать ей? Ну и что, что Лариса попросила. Она кто ему? Случайная знакомая. Так, шапочное знакомство по несчастью. Мало ли какими просьбами достают. Пообещал и забыл. Обычное дело. Она вздохнула. Неужто приглянулась? От этой мысли у нее захватило дух. Но нет, не может быть. Такой мужчина вряд ли обратит на нее внимание. Ей о нем мечтать не приходится. Мысли путались в голове, пока машина не остановилась.

Через боковые стекла Кристина увидела ступени к стеклянному входу в гостиницу. Хавин помог ей выйти из авто. Прошел с девушкой в просторный холл и снял на ее имя до-

рогой двухкомнатный номер на месяц. Она не знала, как реагировать на это, между тем, отказываться не стала. Взяла ключ и вместе с ним поднялась на этаж. Подойдя к двери номера, подумала, что вот сейчас он откланяется и оставит ее одну. Вставила ключ и замерла на короткое время, слыша его дыхание за спиной и ожидая слов прощания. Но услышала другие слова:

– Что же вы остановились? Открывайте, смелее, – сказал он.

Она повернула ключ и надавила на дверь. Он вошел вслед за нею. Прошел по номеру, хмыкнул удовлетворенно, заглянул в душевую.

У нее вдруг снова стало захватывать дух, грудь начала наполняться жаром. И девушка неожиданно для себя и для Павла принялась быстро-быстро раздеваться. Торопилась, будто боялась, что он остановит ее. Мгновенно топ и юбка оказались на полу. Черные длинные волосы упали на плечи и маленькую грудь. Трусики отлетели в сторону. Девушка сорвалась с места и побежала под душ. Распахнула дверь и оставила открытой.

Хавин с удовольствием наблюдал, как она старательно намыливала свое тело и потом тщательно смывала мыло. Кристине нравилось, что Павел разглядывал ее хорошую фигуру. Она откровенно показывала себя, желая возбудить Хавина. Наконец у нее получилось. Он потянулся к пуговицам, разделся и тоже ступил под душ. Девушка прижалась к нему.

Поцелуй был долгим и упоительным.

После душа легли в постель. Здесь она выкладывалась по полной. Самозабвенно. Она хотела своей страстью привязать Павла, стать такой, к какой постоянно влечет. Обжигала своим жаром, доводила до бессилия.

Хавин гладил острую грудь девушки, изгибы напряженного тела, ощущал ярость ее страсти. И ему понравилось это. Девушка притягивала к себе. В ней словно был магнит. Павел уже давно не испытывал того, что сейчас происходило с ним. Кристина как будто вошла в него и не собиралась выходить, но и он не хотел избавляться от нее. Это не было любовью, было каким-то сумасшествием.

Когда дерево долго сохнет на солнце, а затем его бросают в пламя костра, оно полыхает с яростным треском, ярко и сильно. Вот и Хавин сейчас был, как пересохшее дерево в огне.

Прошло немало времени, прежде чем они оторвались друг от друга. Кристина соскочила с кровати и стала прохаживаться по номеру. Она была красивая и не могла не нравиться. И она хотела нравиться. Ничего не говорила, только смотрела на Павла, улыбалась, манила взглядом.

Потом вдруг сказала, что проголодалась. Хавин позвонил в ресторан, сделал заказ в номер. Кристина оделась. Когда принесли еду, захлопала в ладоши. А ему было приятно смотреть, с какой непосредственностью она набросилась на пищу.

После всего он стал собираться. Кристина ни о чем не спрашивала, но в глазах у нее стоял вопрос, придет ли Павел к ней еще. И Хавин пообещал прийти. Протянул деньги, уточнил: на мелкие расходы. Она пересчитала, удивилась. Прежде за год столько не зарабатывала. Тут вполне хватало и на крупные траты.

Как только за ним захлопнулась дверь, девушка задумалась. В какой роли она сейчас оказалась? Не найдя ответа, решила подождать дальнейшего развития событий. Если больше не придет, хоть и пообещал, значит, просто заплатил за бурное наслаждение. И всяческую надежду придется оставить. Если станет время от времени появляться и тратить на нее деньги, стало быть, она для него лишь обыкновенная любовница-содержанка. Но если приблизит к себе, тогда, возможно, что-нибудь и выгорит.

Однако разгадывать ребусы, как и мечтать, дело бездоходное. Это как журавль в небе. А хочется хотя бы синицу в руках.

Немного отдохнув, Кристина вечером вышла на улицу. Ноги сами понесли к метро. Но скоро метро осталось позади, и она очутилась у подъезда, где жила Лариса.

Сейчас, когда Хавин одним махом все перекувырнул, ей как будто не обязательно стало возвращаться к сестре. Подумала, теперь есть деньги, и можно купить все новое. Однако у Ларисы остались ее вещи, в сумке был паспорт, его

нужно обязательно забрать. К тому же уехала неожиданно, не предупредив сестру.

Кристина поднялась на этаж и нажала кнопку звонка. Дверь открыла Октябрина. Девушка удивилась, увидав ее. Она полагала, что та давно уже должна была быть у себя дома. Октябрина же в первый миг нервно сморщилась, сверкнув глазами. Потом презрительно перекосила губы и неожиданно резко рванула дверь на себя. Захлопнула перед самым носом девушки.

Та оторопела, ничего не поняв. Что это? Глупая выходка Октябрины или Лариса не хочет больше видеть сестру? Причина, по которой ее не пускали на порог, была не ясна.

Кристина снова нажала на кнопку звонка. Звонила долго и настойчиво. Упорства было ей не занимать. Звонила до тех пор, пока не услышала за дверью раздраженный вызывающий голос Октябрины:

– Прекрати рваться! Непонятливая, что ли? Чего тебе надо?

Станный, однако, вопрос. Кристина разозлилась. Она пришла к своей сестре, а тут какая-то наглядка не пускает ее в квартиру. Как будто она хозяйка этой квартиры. И к тому же требует отчета. Все выходило за пределы разумных рамок, да и вообще за всяческие пределы. Девушка стала стучать кулаком в дверное полотно. И после этого уловила изнутри голос Ларисы:

– Ну, зачем ты так бесишься, Октябрина? Я прошу тебя,

пожалуйста,пусти ее. Она моя сестра.

Крестину это окончательно вывело из себя. Где это видано, чтобы хозяйка квартиры унижительно уговаривала свою подружку не чинить препятствий сестре? Крестина с новой силой налегла на кнопку звонка. Звонок был громкий, его хорошо было слышно даже на лестничной площадке. А уж в квартире терпеть долго такой звон вообще невозможно. Главное, чтобы он не прерывался, а входил в уши бесконечной вибрацией, будоража не только ушные перепонки, но и весь мозг. И девушка своего добила. Октябрьина распахнула дверь и бешено закричала:

– Заткни ты его наконец, придурковатая.

Крестина решительно переступила через порог. Но Октябрьина грудью преградила дорогу дальше. Минуту длилось молчаливое противостояние, пока за спиной Октябрьины не заговорила Лариса:

– Да когда же это наконец закончится, Октябрьина? Ведь это же невыносимо. Ну, нельзя же так.

Та нехотя, с яростью отступила и скрылась в комнате. Крестина выдохнула воздух, остывая и погашая свой пыл. Вести себя с сестрой подобно Октябрьине она не могла. Нельзя сломать первое хорошее впечатление о себе и оттолкнуть Ларису.

– Не соображу, что за бзик у Октябрьины, что на нее наехал? – спросила, сделав удивленным лицом. – Ведь мы совершенно незнакомы. Ты прости, сестра, что я так настырно

тарабанила и звонила, что подняла тебя из постели.

Лариса взяла сестру за руку:

– Я уже забыла, и ты забудь, – посоветовала и тихо заметила, – конфликтовать из-за мужчин это недостойно женщин.

И Кристина все поняла. Вот откуда растут ноги. Вот, оказывается, в чем дело. Выходит, ей сейчас надо держать язык за зубами. И не распространяться о том, что произошло между Хавиным и ею. Она почувствовала, что одно упоминание об их неожиданном сближении может вызвать непредсказуемую бурю. А сказать Ларисе и Октябрине, что она не имела и не имеет видов на Хавина, тоже не могла, потому что это будет обманом, который наверняка скоро раскроется. Получалось, что и в том и в другом случае она немедленно получала настоящего врага в лице подруги сестры.

Впрочем, то, что происходило сейчас, также не было дружественным проявлением Октябрины. Хотя все предположения той опирались на ее собственные умозаключения. И они не давали подруге Ларисы твердой уверенности в том, что Хавин для нее потерян. Посему пока что она смотрела на Кристину как на обычную соперницу, сунувшую нос туда, где его не должно быть.

Сейчас это устраивало Кристину: пусть лучше они будут соперницами, нежели врагами, готовыми сожрать друг друга. Ведь, по сути, девушка в отношении Хавина ни в чем не была уверена. И совсем не знала, что принесет ей день завтрашний и последующие дни.

Она кивнула Ларисе, как бы соглашаясь все забыть, и вместе с сестрой направилась в комнату.

Октябрина чуть успокоилась, но смотрела на соперницу язвительно и непримиримо, даже с некоторым высокомерием. Двигалась спокойно и размеренно. Уже внутри себя сожалела, что своей несдержанностью раскрылась перед Кристиной. Да и с Ларисой не стоило быть столь откровенной. Ведь подруга – простая душа, тут же выложила все Кристине.

– Где ты собираешься ночевать сегодня? – спросила с неприязнью. – Здесь свободных коек нет, – она сразу дала понять, что не хочет больше ее видеть тут. К тому же надеялась услышать, не появился ли у девушки другой угол, к чему, безусловно, мог быть причастен Хавин.

Но Кристина не стала распространяться. Ответила неопределенно:

– Что-нибудь придумаю. – Она не хотела разжигать конфликт с Октябриной, опасаясь потерять приют у сестры. Ибо не знала, что может быть с нею через месяц. Снимет ли где-то комнату, останется ли в гостинице либо снова придет на поклон к Ларисе, просить прибежище.

Первый посыл Хавина был многообещающим, от него захватывало дух. В такую удачу Кристине просто не верилось. Нет, какая удача. Просто случай. Хотелось бы знать, о чем станет думать Хавин, когда сегодня ляжет в свою постель. Начнет сожалеть о проявленной слабости либо просто выкинет ее из головы? Кристина съезживалась от таких мыслей.

Лариса свернулась калачиком на диване. От шума у нее кружилась голова.

– Довела сестру! – сухо бросила Октябрина. Спокойствие Кристины раздражало ее. Ответ той не удовлетворил.

В воздухе висела недосказанность. Того гляди, начнется новая буря. Спас звонок в дверь. Лариса вздрогнула, открыла глаза. Октябрина дернулась, повернула на звонок лицо. Кристина вскинула острый носик. И все облегченно вздохнули.

В дверном проеме стоял парень и две девушки с пакетами в руках. Вопросительно глядели на Октябрину:

– Лариса Азмайлова здесь проживает? – спросила одна из девушек.

Октябрина кивнула утвердительно.

– Мы работаем с Ларисой, решили провести ее, – сказала вторая девушка. Октябрина отступила от двери. Лариса смущенно поднялась с дивана. Представила их Октябрине и Кристине. Маленькую ростом с круглыми глазками звали Киной. Ту, что была выше, с родинкой на верхней губе, Любой. А парня – Борисом. Он оказался начальником Ларисы.

Октябрина усадила гостей, взяла из их рук пакеты с фруктами и отнесла в кухню. Между Киной, Любой и Ларисой завязался разговор. Кристина отошла к окну, чтобы не мешать. Октябрина не церемонилась, тут же вклинилась в беседу. Борис молчал. Может, дежурные вопросы претили ему, а возможно, был вообще малоразговорчивым.

Лариса повеселела, даже голова перестала кружиться. Октябрина с любопытством стреляла глазами в сторону Бориса. Он рассеянно водил взглядом по комнате. Улыбнулся легкой улыбкой Кристине. Девушка из вежливости ответила тем же. Борис украдкой начал рассматривать ее.

Это заметила Октябрина. Исподлобья стала злиться. Она строила парню глазки, а он зыркал на Кристину. Все выбивало Октябрину из равновесия. Сестра Ларисы всякий раз становилась препятствием.

Кристина, чтобы не накалять обстановку, выскользнула за дверь. Октябрина осталась довольна, лицо сразу изменилось. А Кристина в другой комнате нашла свою сумку, проверила документы. Притихла, подумала, что неизвестно, как бы она сама вела себя, окажись на месте Ларисиной подруги. Наверняка от соперницы полетели бы перья. Выходит, Октябрина в сравнении с нею это – ангел. Не знают они, совсем не знают, на что способна Кристина, когда становятся у нее на дороге. Сейчас она играет роль, как актриса, но ведь когда-то ей может надоесть такая роль.

Минут через двадцать она услышала, как за гостями захлопнулась входная дверь. И следом в комнату к ней вбежала Октябрина, злым шепотом, чтобы не слышала Лариса, выпалила:

– От тебя одни неприятности! Убирайся отсюда подобру-поздорову! Спать тебе все равно здесь негде!

У Кристины закипело в груди, но она сдержалась и спо-

койно заметила:

– Ты чего раскомандовалась тут? Квартира не твоя.

Октябрина взбесилась еще больше, словно ее щелкнули по носу:

– Моя не моя, а сгинь побыстрее, нахалка! Отыскалась периферийная сестренка! Приперлась! Перемутила все! Кто тебя звал? – Она интуитивно чувствовала, что Кристина не так проста, как пытается себя показать. В одной лодке им не место. Негодовала: за один день два случая это уже слишком.

Кристина не стала противиться. Ей даже было на руку. Подхватила сумку и вышла из комнаты. Октябрина открыла входную дверь и подтолкнула в спину. Лариса не видела этой сцены, но услышала возню в коридоре.

– Октябрина, Кристина, вы чего там? – позвала.

– Кристина ушла, – вошла в комнату подруга.

– Как ушла? – удивилась Лариса. – Куда? Ведь ей ночевать негде. – Она поняла, что Октябрина выставила ее сестру, но возмутиться не решилась, покорно выслушала объяснение Октябрины.

– Найдет, где переночевать, – сказала та. – Не маленькая. В Москве много гостиниц. Ты тоже хороша. Кого попало пускаешь с улицы. Она и обрадовалась. Присосалась.

– Она не кто попало, – возразила робко Лариса. – Она – сестра.

– Знаем мы таких сестер, – отмахнулась Октябрина.

Кристина вышла из подъезда. Не успела отойти от крыль-

ца, как перед нею возник Борис. Не спрашивая, выхватил из рук сумку, кивнул на свою машину, произнес:

– Вот решил подвести. Сумка-то нелегкая, не по метро же с нею таскаться.

– Но вы же не знали, что я буду с сумкой, – вскинула брови Кристина.

– Догадался, – засмеялся Борис, раскрывая полные губы и показывая ровные зубы.

Кристина усмехнулась. Москва встречала ее многообещающим мужским расположением, и это было прекрасно, в ее положении сейчас ей нельзя было терять ни одного шанса. Кто знает, куда выведет кривая.

Октябрина в этот момент привычно выглянула в окно. В вечернем свете увидала, как Борис посадил в свою машину сестру Ларисы. Вздрогнула. История повторилась, как с Хавиным. Она почувствовала себя окончательно убитой.

В машине из Бориса полились слова, как из рога изобилия. Он ехал и шутил, вызывал смех Кристины, явно хотел понравиться ей. Это радовало ее. Хотелось бы, чтобы полоса неудач начинала уходить в прошлое. Правда, она не наивная девочка, которая верит в любовь с первого взгляда. Напротив, она убеждена, что при случайных встречах всякий мужчина добивается женщины лишь для того, чтобы переспать с нею. И сейчас не сомневалась, что Борис привязывается к ней с такими же намерениями. Увидал смазливую мордашку и пошел в атаку.

Он ей не приглянулся, с Хавиным его невозможно было сравнивать. И потом она осознавала, что у Хавина есть большие деньги. А с Бориса что возьмешь? Кристина уже многого повидала в жизни, и теперь прежде всего от мужчин хотела получить достаток и благополучие. Однако глубоко в душе она определила для себя, что не станет сбрасывать со счетов никого, чтобы подыскать выгодную партию.

Борис высадил Кристину у гостиницы и хотел проводить. Но она охладила его пыл. Взяла сумку и распрощалась.

– И это все? – воскликнул он ей вслед. – А ваш телефон можно?

– Если скажете номер своего телефона, – обернулась она, – я вам обязательно перезвоню.

Он торопливо дважды продиктовал, спросил:

– Запомнили?

– Да, – улыбнулась Кристина.

В лифте она поднялась к себе в номер. Бросила сумку посреди. После душа сразу легла, раскидалась по кровати и мгновенно крепко заснула. В эту ночь ей снились длинные и хорошие сны. Давно она уже не видела таких, и давно не спала с таким удовольствием. Дышала ровно, глубоко и умиротворенно. Длинные черные волосы накрыли подушку, острый носик во сне шевелился, острая грудь размеренно поднималась при вдохе и расслабленно опускалась при выдохе.

Хавин тоже в эту ночь крепко спал в своей кровати. Ничто не тревожило его сон. Проснулся легко, глянул на дисплей телефона. Было восемь часов. После утренних процедур еще не успел собраться, услышал звонок. Входящий номер был незнакомым. Поднес трубку к уху. Женский голос назвал его по имени. Хавин напряг память. Кто бы это мог быть? Интонации показались знакомыми. Но чьими? Он терялся в догадках. А на другом конце иронически заметили:

– Постарели вы, Павел, не узнаете.

Хавин поежился от такого замечания. Постаревшим себя он не считал.

– Коль не можете вспомнить, значит, в свое время я не произвела на вас должного впечатления, – добавила женщина.

– Что вы хотите? – он перешел на деловой тон. Гадать больше не пытался. Мало ли какая женщина когда-то пыталась произвести на него впечатление. Их было немало в его жизни.

– Я хочу, Павел, чтобы вы меня встретили, – услышал в ответ. – Я только что приехала в Москву и совершенно заблудилась тут. Я не знаю, где вы живете, и надеюсь, вы не бросите меня в этой толчее. Ведь вы же не бросите меня, Павел?

Его несколько обескуражил тон женщины, она определен-

но рассчитывала на его гостеприимство. Давно прошло то время, когда он приводил женщин к себе домой. Теперь его дом был его крепостью, внутрь которой не допускался никто. Но по уверенному голосу в трубке Хавин почувствовал: женщина убеждена, что он не бросит ее на улице. Это приводило в замешательство.

– Я не уверен, что смогу вам помочь, – осторожно произнес он.

– А я уверена, что вы мне поможете, Павел, – отозвался все так же твердо женский голос. – Вы не сможете мне отказать. Это было бы с вашей стороны непорядочно. Я жду вас на Варшавском шоссе, на самом въезде, около Макдоналдса. Я – Марина Печаева.

Павла обдало жаром. Он немедленно вспомнил Марину. Да, ей отказать он не сможет. Всколыхнулось прошлое, которое он пять лет старательно заштриховывал. Не вспоминал людей, которых знал прежде. Даже с Адаевским, которому передал в управление весь бизнес, ни разу не виделся. И вдруг – Марина Печаева. Да, от прошлого не спрятаться. Защемило сердце. От самого себя не уйти. Невозможно. Жизнь движется по какому-то колдовскому кругу, рано или поздно возвращая тебя назад. В горле сразу пересохло. Он глухо с трудом выдавил:

– Ждите. Приеду, – нехорошее предчувствие сдавило сердце, не давало глубоко вздохнуть. Ноги стали ватными, плохо слушались, и мысли из головы исчезли напрочь. В го-

лове монотонно зазвенела пустота.

Хавин вышел на улицу, широко открыл рот и втянул в себя утренний воздух, но это не помогло. Дорога заняла полчаса. Перед Макдоналдсом Павел сразу узнал Марину. Поразились, что та почти не изменилась. Они сошлись и долго испытующе смотрели друг на друга, каждый из них хотел понять, какие мысли бродили в голове другого. Хавин протянул руку, сжал ее пальцы, они были горячи.

– А у вас появилась седина, Павел, но она вас не испортила, – улыбнулась женщина.

– Я рад вас видеть, Марина, – ответил он, не выпуская ее руки.

– Не знаю, – проговорила она, – рада ли я вас видеть, но мне давно хотелось встретиться, – она приблизилась. – Я сильно постарела, Павел?

– Разве в ваши годы женщины стареют? Вы еще молоды, Марина, – сказал Хавин и ощутил, как ее пальцы слегка сжали его ладонь в знак благодарности за любезность.

– Вы понимаете, что хочет слышать женщина, – шепнула она, приныкая к нему.

– Я говорю только то, что вижу, – произнес он, испытывая напряжение в мышцах.

Прошлое начинало вторгаться в настоящее. Перед глазами выплыла лесная поляна, где пять лет назад он стоял в одних плавках, а Марина призывно прижималась к нему всем телом. Давно.

Но что теперь привело ее к нему? Он не спрашивал, решил, сама расскажет. Посадил в машину рядом с собой. Водителю назвал маршрут. Марина прижалась плечом. Хавин не отстранился. Его раздирали противоречивые мысли. Неосознанное беспокойство мучило. Он не хотел бы оживать прошлое, раны зарубцевались, ни к чему было их беречь.

– Как вы жили все эти годы, Павел? – Марина посмотрела ему в лицо. – Вы случайно не женились?

Хавин по ее глазам понял, что она знала о его холостяцком существовании, но зачем-то все-таки спросила об этом.

– Нет, не женился, – сказал он. – Трудно сделать выбор. Я стал привередливым.

– А есть претендентки? – поинтересовалась она. – Хотите, я помогу вам выбрать?

– Вы предлагаете стать свахой? – в его голосе появилось ирония. – Вы за этим приехали?

– Нет, я приехала не за этим, – улыбнулась она, – но у меня вдруг сейчас появилась такая мысль. Ведь если человек не может выбрать сам, ему надо помочь. Хорошие знакомые должны помогать друг другу. Не правда ли? А ведь мы хорошие знакомые, Павел. Давнишние.

Он сомневался, что их знакомство можно отнести к категории хороших, но то, что они были давнишними знакомыми, это было правдой. Марина как бы вобрала в себя всех женщин, которых он знал и любил раньше, и у него возникли

особенные ощущения рядом с нею.

Странная встреча, странные слова, можно было их не говорить, ничего не изменилось бы, как не изменилось и после этих слов. Жизнь вообще состоит из странных слов и странных поступков, пока они не сплетаются в единую нить. Однако из этой нити нельзя выкинуть ни одного узелка, ни одной петли, потому что тогда все приобретет иной смысл, тогда это будет чужая жизнь.

Марина была чуть напряжена, она приехала к Хавину отнюдь не с дружественной целью. Желание отомстить за смерть единственного сына руководило ею. Но, встретившись с Павлом сейчас, она ощутила жуткую тоску по тому, чего когда-то не случилось между нею и Хавиным. Умом осознавала, что такой тоски не должно быть, ведь прошло столько времени. Долго может помниться только ненависть. Лишь она живуча и способна двигать людьми по пришествии многих лет. Тем не менее Марина почувствовала колебание.

По дороге Павел предложил заехать в кафе, позавтракать. Он ни о чем не спрашивал женщину, он просто рассматривал Марину и ловил себя на мысли, что видит в ней прежнюю. Просыпались старые эмоции, чего он никак не ожидал. Время как будто остановилось. А ведь это не так, ведь он уже другой, и она другая. И чувства должны быть иными.

Женщина старалась взять себя в руки, отбросить колебание, не проявить слабость. Она осознанно глушила хмель, который исподволь начинал будоражить ее тело. Но нена-

висть, которая должна была загрызть Хавина, куда-то отступала. Это мучило Марину и приводило в смятение.

После кафе они ехали молча, но в этом молчании было нечто большее, чем слова.

Скоро подъехали. Марина живо выпрыгнула из машины, огляделась и только после этого пошла за Хавиным в подъезд.

Квартира Павла встретила холостяцким уютом. Женщине показалось, что квартира больше походила на гостиницу, где ежедневно убирается работница, но при этом тепла, домашнего уюта не прибавляется. Вокруг чисто, пыль вытерта, все аккуратно сложено, и вместе с тем нет женского духа. Так она и сказала Хавину. Он пожал плечами, может быть, она была права, но он привык жить именно так. И его это вполне устраивало.

Обойдя всю квартиру, бросив несколько незначительных фраз, она прошла на кухню.

– Ну а кофе хотя бы в этой квартире есть? – спросила.

– А как же? – Павел открыл дверцу шкафа. – Вам сделать?

– Женские руки делают это лучше, – отодвинула его Марина.

Хавин отступил. Впрочем, несколько удивился, что она захотела кофе. Ведь только что побывали в кафе.

Марина была все с теми же округлыми формами, как прежде, и по-прежнему привлекательна. В брюках, топе с

большим вырезом на груди. Взяла кофейник, наполнила водой. Взглядом проводила Павла из кухни и вздохнула. В нем была изюминка, которая брала Марину за душу, и это навевало тоску и горечь.

Многое в жизни происходит не так, как хотелось бы. Но человек словно заряжен на какие-то определенные действия, совершает их бездумно, идет к цели, подчас не осознавая происходящего.

На лице женщины появился холод и лед.

Потом поставила кофейник на плиту. Вода закипела быстро. Марина приготовила кофе, открыла шкаф, достала кофейные чашки. Медленно разлила кофе и застыла в коротком раздумье. Но потом решительно выхватила из кармана брюк небольшой пузырек, откупорила и вылила из него несколько капель в чашечку с кофе для Хавина. Не успела пузырек спрятать, как услышала за спиной дыхание. Обернулась и наткнулась на глаза Павла. Оцепенела на мгновение, зажала пузырек в ладони и вдруг неосознанно резко прижалась всем телом к Хавину, обхватив за шею.

Он растерялся, а ее губы уже прижались к его губам. Он не заметил, как ладони легли на ее бедра и поползли по ним. Наконец она оторвалась от губ Павла, а он невпопад произнес:

– Я не люблю кофе. Вы же видели, в кафе я брал чай.

Марина крутнулась в его руках, сунула в карман пузырек, схватила чашечку с кофе для него, поспешно выплеснула

содержимое в раковину. И ощутила внутреннее облегчение, словно сбросила камень с души. Ей было приятно, что Павел не оттолкнул ее. И хотя ее поцелуй был отвлекающим маневром в ответ на собственный испуг, Марина испытала давние ощущения. Они настойчиво толкнули ее ко второму поцелую.

Голова закружилась. Марина неосознанно стала срывать с Павла одежду. И не замечала, что он делал то же самое с нею. Какая-то дикая ярость овладела ею, этим бешеным буйством она словно мстила Хавину за все. За то, что тот пренебрег ею пять лет назад. За то, что погубил ее любимого сына. За то, что жизнь свою прожила бездарно. За то, что была не с тем, с кем хотелось бы. И это было не только мстью, но и возвращением долга. Она получала сейчас то, чего лишена была пять лет назад.

Это была истерика. Долгая и неистовая. Когда все закончилось, они были опустошены.

Солнце в окна светило ярко и весело.

Длительное молчание прервала Марина. Недовольство собой начинало выворачивать ее. Она повернула лицо к Хавину и посмотрела с раздражением:

– Зачем вы сделали это, Павел? Почему вы не оттолкнули меня? Почему не прогнали из своей квартиры?

У него не было ответов на ее вопросы. И он почему-то сейчас не сожалел о том, что произошло. Все как-то неожиданно перевернулось: прошлое вырвалось из забвения и властно

наступило ему на горло. Он вздохнул:

– Мне кажется, что нам обоим это было необходимо.

– Вы не правы, Павел, не правы, – чуть помолчав, поморщилась Марина. Ее злило то, что на самом деле Хавин был прав. Но она хотела отодвинуть себя от этой безрадостной правды. Что ей теперь от этой правды? Все в прошлом. Прежней ей уже не стать. Сына не вернуть. А исступленным остервенением невозможно насытить память. Все проходит, а память остается до конца.

– Значит, не прав, – согласился Хавин.

– Да, не правы, Павел, – повторила Марина. – Вы всегда были не правы.

Хавин не понял, что означала последняя фраза, но переспрашивать не стал. А Марина оторвалась от подушки, приподнялась на локоть и выговорила с ожесточением:

– Как жаль, Павел, как жаль, что вы были не правы.

Ему не нравился ее тон и отсутствующий взгляд. Он не догадывался, в эту минуту она мучила себя мыслью, что должна совершить вездесудно.

Она опустила с кровати ноги, и когда он попытался сделать то же самое, положила ему на грудь руку, остановила:

– Лежите, Павел, а я все-таки приготовлю чай и кофе, – и голая вышла из спальни.

Хавин раскинулся на кровати и прикрыл глаза. Происходящее казалось ему сном. Он не мог понять его, но этот сон хотелось продлить.

В кухне на стуле лежали брюки и топ Марины. Она нащупала в кармане брюк пузырек, и сердце часто заколотилось. Дыхание сбилось, зубы застучали. Вот оно то, что должно окончательно поставить точку в ее сомнениях. Ничто не должно останавливать.

Она приготовила Павлу чай. Минуту раздумывала, глядя в одну точку, а потом решительно потянулась к брюкам. Коснувшись пузырька, ее пальцы задрожали. И она не могла остановить эту дрожь и стук зубов. Тело затряслось как в лихорадке.

Марина поняла, что не сможет вылить содержимое пузырька в стакан Хавину. Все в ней сопротивлялось. И это в тот миг, когда она была уже у цели. Невероятно. Многие годы она жила этой мыслью, а когда пришло время, не хватает духу. Вот так рушится твердь, так теряется смысл. А все потому, что Хавин разбудил в ней забытое чувство.

Марина обессиленно заскулила и опустилась на стул. По щекам текли тяжелые слезы. Снова запихнула пузырек в карман брюк и ощутила, как дрожь из тела уходит. Но захватывает чувство безысходности. Марина всхлипнула и зарыдала навзрыд, вскочила на ноги, швырнула стакан с чаем и чашечку с кофе в раковину. Раздался звон разбитого стекла.

В дверях появился Павел. Смотрел недоуменно, понимая, что объяснить женщина сейчас ничего не в состоянии. Робко прикоснулся к ней, обнял сзади за плечи. Его руки гладили ее, но это сейчас вызывало у Марины злое отторжение.

Она отстранилась, нервно смахнула с лица слезы и стала быстро надевать одежду. Ничего не говоря, хлопнула дверью и побежала вниз по лестнице.

Павел остался, как у разбитого корыта. Он как будто что-то выкрикнул ей вслед, но Марина не слышала, да он и сам не слышал себя. Долго растерянно стоял без движения, не понимая, что произошло.

Марина спустилась вниз. Снова вытерла слезы. Выбежала на улицу. Прыгнула в остановившееся такси. Сказала, куда ехать, и вжалась в угол заднего сиденья.

Жизнь непредсказуема, преодолеть ее выпадает бывает не по силам. А вспять не повернешь. Это ужасно. Новые слезы полились потоком. Марина сжала руки в кулаки, уткнулась в них лицом, плакала громко и безостановочно.

Водитель оторопел, включил аварийную сигнализацию, перестроился в крайний ряд и остановил автомобиль. Не трогался, пока женщина не затихла.

Начать все сначала невозможно, думала она. А если что-то изменить? Ведь она еще могла что-то изменить. Марина глубоко вздохнула, глянула сквозь стекла на потоки машин и выдавила из себя:

– Разворачивайтесь.

У дома, где жил Хавин, выскочила из такси и метнулась в подъезд. Неслась по лестничным маршам, не замечая ступеней. Сердце стучало так громко, что его стук отдавался в

висках.

Павел собирался на работу. Звонок в дверь прервал сборы.

Марина влетела в квартиру и, не давая Хавину опомниться, кинулась на шею. Невольно своим поведением напомнила ему Истровскую. Удивительно, но в этот миг он вспомнил именно Аллу с ее импульсивностью. Прошрое материализовывалось все явственнее. А ведь Марина была совсем не похожа на Аллу. Он уже плохо помнил лицо Истровской, а лицо и губы Марины были рядом и они жадно целовали его:

– Вы не прогоните меня, Павел? – жарко шептала она. – Не прогоняйте меня, Павел! И простите меня, простите! Я не знаю, что я делаю. Простите меня за все!

Хавин озадаченно пожал плечами. За что прощать? Она так и не сказала ему о цели своего приезда, но это теперь для него неважно. Важнее то, что сейчас происходило между ними. И он чувствовал, что женщина переживала такое же состояние. Он не собирался ее прогонять:

– Оставайтесь, Марина, – сказал и поцеловал ее.

– Вы хотите, Павел? – выдохнула она.

– Вы правильно сделали, что приехали, – проговорил он.

Марина сжала зубы, пузырек в кармане брюк вдавился в тело и начинал жечь. Он засел в ее мозге, как заноза. А Хавин уже снимал с нее одежду. Она вырвалась, кинулась в ванную комнату. Опорожнила пузырек в раковину. Пустила воду из крана. И только после этого облегченно вздохнула. Все. Все.

Конец ненависти. Теперь ее совесть перед Павлом чиста. Теперь она может идти к нему с легким сердцем.

И она вернулась.

Трое суток они не поднимались из постели. Хавин даже позвонил домработнице, чтобы не приходила.

Через трое суток Марина одна вышла на улицу, не захотела, чтобы он провожал ее дальше двери. Лицо было счастливым и светящимся, хоть измучено бессонницей. Села в такси. Доехала до Макдоналдса на Варшавке. В ближайшем дворе была припаркована ее машина, на которой приехала в Москву. Она нырнула в нее, завела мотор.

Всю дорогу домой улыбалась.

На следующий день Павел не появился у Кристины, и еще через день и через два не показался. Сердце девушки болезненно щемило. Значит, облом. Могла бы сразу догадаться, что надеяться не на что. Неудачи опутывали ее, как паутина, жизнь увязла в невезухе, будто в заскорузлой грязи. Она искала причину в себе. Но всегда трудно копаться в собственных изъянах. Человек так устроен, что даже в своих пороках ищет преимущества перед другими.

Все дни Кристина не выходила из гостиницы, боясь разминуться с Хавиным, еду заказывала в номер. К концу третьих суток надежда растаяла. Значит, не судьба, значит, снова осечка. Ну, и черт с ним, спасибо и за то, что устроил в гостиницу, отвалил кучу денег и дал возможность хотя бы месяц пожить по-человечески. Стало невыносимо находиться в номере, стены душили.

Вечером Кристина вышла на воздух. В ближайшем магазине приделась в новую одежду, выбросив старую в урну. В салоне красоты сделала прическу. У нее снова свобода выбора. Видимо, никогда больше не стоит ждать, что кто-то выберет ее. Должна выбирать сама. Но сейчас выбор у нее невелик. Вспомнила о Борисе. В салоне сотовых телефонов купила мобильник и сделала ему звонок.

Борис примчался незамедлительно. Осыпал ее компли-

ментами. Посадил в машину и начал поедать взглядом. Он определенно хотел ее, но не решался даже намекнуть. А она сейчас не желала оставаться одна. Впрочем, она бы без сожаления прогнала Бориса в шею, да только телу не прикажешь. Ожидание Хавина привело ее тело в сгусток желаний. Требовалось снять напряжение, расслабиться. Эту потребность Борис вполне мог удовлетворить. И она проговорила:

– Поехали.

– Куда? – вскинулся Борис.

– К тебе, – сказала Кристина, перейдя на «ты».

Борис стушевался, но быстро взял себя в руки. И тут же полез целоваться. Ей было противно это. Уже проходила не раз. Поцелуи в машинах, ерзания потных рук по ее телу до чертиков надоели. Это все не приносило удовольствия, наоборот, появлялось отвращение, особенно когда мужчина пытел и хрюкал над нею. Все это было пошло и гадко. Она злилась на себя, потому что в машине никогда не получала удовольствия, какого хотела.

Борис, как водится, полез к ней под юбку. Кристина оттолкнула. Хватит, больше в такую возню она играть не собирается. Не за тем приехала в Москву, чтобы в машинах ублажать мужиков.

Он завел мотор, торопился, словно боялся, что она ему откажет. Но Кристина не собиралась отказывать, однако подумала, что с Борисом это будет первый и последний раз.

Покружив по улицам, остановил машину у подъезда, ко-

му-то позвонил, кто-то вышел ему навстречу, Борис переговорил с ним и повел Кристину в квартиру. Она все время молчала, ей было все равно, в чью квартиру он ее тащил. Важно, чтоб были душ, мягкая чистая кровать и возможность испытать полное удовлетворение, без спешки, без суеты.

Борис впустил ее в квартиру, на ключ запер дверь и опять полез целоваться. На этот раз она не оттолкнула, терпеливо сносила.

В постели Кристина старалась не для Бориса, старалась для себя, чтобы освободить тело от желаний, словно бы утолить жажду. Страсти, которая горела с Хавиным, не было. Делала свое дело методично, со знанием, упрямо достигала поставленной цели. Видела, как усердствовал Борис, краснея и потея. Она, бесспорно, ему нравилась. Но он быстро выбился из сил, выдохся. Отстранился, тяжело дыша. Кристина усмехнулась: слабоват оказался. Однако ей удалось получить то, чего желала.

Лежала, смотрела в темный потолок и думала, что Москва встречала ее не так хорошо, как ей показалось вначале. Утешало девушку одно, что Борис не был парнем из подворотни. Между тем как мужчина он не заинтересовал. Ничем не выделялся из толпы и ничем не покорила в постели. С Хавиным не сравнить. С тем она была ведомой, а этого, как песика, дергала за поводок. Ну, что это за мужик, которого водят на поводке? Если б ее натура требовала песиков, она бы за-

вела себе собачку и по утрам выводила на прогулку. Но она терпеть не могла песиков.

Борис захрапел, Кристина тоже прикрыла глаза. А среди ночи он проснулся и полез на нее, как будто старался обелить себя за вчерашнюю незадачу. Но получилось хуже, чем вечером. Сконфуженно стал оправдываться. Кристина молчала. Ей действовали на нервы его стенания. Напряг, не дал ей выспаться, сам не выспался, все скомкал.

Утром зевал всю дорогу, пока вез ее до гостиницы. Попросил о следующей встрече. Она решительно отказала, хватит, его роль закончена. Отсыпалась в номере. Но сон ее несколько раз прерывался звонками Бориса. Он восторгался ею, признавался в любви. Она раздраженно посмеивалась про себя. Какая, к черту, любовь? Смешной парень. Но потом подумала, может быть, не стоит прерывать эту связь? Как знать, вдруг кроме него больше никто не возникнет на горизонте. В ее положении сейчас и рак – рыба.

6

Константин Аспенский все эти годы жил отчужденно. Даже заглядывая к Печаевым, чувствовал себя одиоко. Смерть жены и дочери разрушила его мир. Этот мир был несовершенен, но именно он держал Аспенского на плаву и питал энергией. В нем Константин был первым, а лишившись его, сник, увял, стал ко всему безразличным и довольствовался третьими ролями.

Из женщин признавал лишь Марину Печаеву и Аллу Истовскую. Понимал теперь, что ошибался, когда не верил в предпринимательскую жилку Аллы. Видел, как она умела заставить всех крутиться и множить доходы. Марина же привлекала как женщина. Возле нее у Константина просыпались мужские инстинкты. Он чувствовал, что нуждался в ней, что с нею мог снова утвердиться как мужчина и как сильный человек.

Долго собирался переговорить с Мариной об этом. А когда все же собрался, она куда-то уехала. Ее муж Андрей неопределенно пожимал плечами, то ли не знал – куда, то ли не хотел говорить.

Аспенский ждал, когда она вернется. И стоило ей появиться, перехватил у магазина. Сел к ней в машину.

– Ты откуда вдруг? – удивилась женщина.

– Я по серьезному делу, Марина, – объявил он.

Печаева добродушно улыбнулась:

– Давно не видала тебя в серьезном деле, Константин.

– Переходи ко мне, Марина, – без обиняков произнес он.

Фраза была незаконченной, ее можно было понять по-разному, но женщина правильно угадала, в чем ее смысл. Взор остановился, брови чуть приподнялись.

Константин расширил фразу:

– Переходи ко мне жить, Марина, – хмуро откашлялся, словно у него запершило в горле от этих слов. – Какой тебе прок от Андрея? Я же знаю, как вы живете.

– Не слишком ли много ты знаешь? – Печаева вскинула подбородок и посмотрела на Аспенского отстраненно. Она не любила, когда кто-нибудь вторгался в ее личные дела.

– Да уж так, – поморщился Константин. – Давно уже никакого проку тебе от такого мужика! – Он не отрывал взгляда от ее глаз, смотрел исподлобья, как нападающий бык.

Добродушное лицо Марины стало неприветливым:

– А от тебя-то какой прок будет? – усмехнулась женщина, ее пальцы на руле слегка подрагивали.

– С тобой я снова поднимусь, стану на ноги! – Решимость тронула резкие черты лица Аспенского.

– Что же тебе все эти годы мешало подняться? – Печаева смотрела недоверчиво.

– Если бы ты была со мной, я бы выстоял. – Глаза Константина сверкнули. – Ты мне нужна! – Плотный, крепкий, с покатыми плечами, он сидел прочно и неподвижно.

Ей показалось, что в эту минуту она увидела прежнего Аспенского. Но это длилось недолго, потому что его глаза начинали быстро гаснуть. Марина откинулась на спинку сиденья, задумчиво глянула в лобовое стекло, долго не шевелилась, потом произнесла:

– Андрею я тоже нужна.

– Все это глупо, Марина, – надавил Константин. – Глупо жить с человеком ради жалости к нему.

– А ради чего с тобой жить?! – с вызовом спросила женщина. – Ради твоих амбиций? Разве мне от этого будет легче? Что ты мне можешь дать?

– Все, что ты любишь! – непривычно торопливо пообещал он.

– Я люблю свободу! – воскликнула она. – Ты не способен ее дать. Я это уже хорошо видела. И я знаю результат такой жизни.

Аспенский тяжело задышал, щеки налились кровью:

– Я стал другим, Марина, – с трудом выдавил он из себя, – я многое осознал, я стал другим. – И снова нажал: – Что толку от твоей свободы, когда все тебе опостылело? Только не говори, что это не так. Я не слепой, Марина, я не слепой. Я вижу, как ты время от времени уматываешь подальше от Андрея, и он не знает, где ты куролесишь.

– Но я все равно возвращаюсь к нему, – вздохнула Печеева. – Он добрый. Он мне все прощает. Ты не такой, Константин. Ты не способен прощать женщин. А нам это необходи-

мо. Мы из другого теста слеплены, Константин. Нам нужен мужской восторг, а не пресные разговоры о бизнесе.

Аспенский понял, что его попытка провалилась. Сразу равнодушие разлилось по всему телу. Он и раньше своим металлическим голосом не мог закрыть ей рот, а теперь по-давно. Но прежде чем выйти из машины, положил ладонь на ее руку:

– Не надо терять время, Марина, у нас его и так много утрачено.

Сквозь стекла она видела, как Константин медленно направился к своей машине. Женщина не удивилась предложению, она всегда чувствовала, что такое предложение от него когда-нибудь поступит.

Мир, в котором она жила долгие годы, никак не хотел отпускать ее. Ей было жалко видеть Аспенского слабым, однако греть его у себя на груди она не собиралась. Это время прошло, кануло в Лету, она не хотела помнить о нем. Вот только Константин еще не выкарабкался из прошлого, цепляется за него и хочет вернуть туда ее. Глупо, глупо. Это было трагедией Аспенского. Он не понимал, как все изменилось.

Марина оторвалась от мыслей об Аспенском, вспомнила Хавина. Вот за ним сейчас она могла бы пойти, если б он позвал. Но она не верила, что он позовет. Она убеждена была, что он не решится поломать свой уклад. Ведь с нею ему придется поломать все, впрочем, как и ей тоже.

Странно устроена жизнь. Сначала женщина хочет отправить Павла на тот свет, а теперь сожалеет, что он не рискнет позвать ее. Однако хмель забродил в их душах. И что, если он вырвется наружу?

Анатолий Адаевский беззлобно строчил словами, как пулями из пулемета, журя Истровскую за то, что в магазинах не успевали выполнять заказы клиентов. Сроки последнее время нарушались, и покупатели выражали недовольство.

Она, нетерпеливо играя искорками в глазах, иронично смотрела, как дергался кадык на его горле. Причины срывов были объективными, она могла бы объясниться, но считала ниже своего достоинства стоять и оправдываться перед Адаевским. Обеляются пускай бездари, те, кто не умеет работать. К ней это не относится. Она уже исправляет положение. Но чтобы все вошло в нормальное русло, нужно время. Не так много, но все-таки нужно.

Анатолий выслушал и удовлетворился ее ответом. На этом и закончилось его внушение. Она шагнула к двери и от нее вдруг спросила:

– Ты не забыл поздравить Хавина с днем рождения? Все-таки круглая дата. Пятьдесят. Впрочем, глупо спрашивать. Конечно, не забыл. А я как-то не собралась это сделать. Вроде и баба из меня скоростная получилась, а вот что-то забуксовала.

– Что это ты вдруг вспомнила? Уже все прошло, – не отвечая на ее вопрос, проговорил Адаевский. Ему было стыдно признаться, что он не дерзнул. Несколько раз порывался,

но так и не рискнул. А все потому, что после событий пятилетней давности, передавая ему бизнес, Павел категорично предупредил и потребовал, чтобы никто никогда из этого города не напоминал ему о себе. Он хотел забыть все, что случилось, и всех, кто мог оживить его воспоминания. – Ты собиралась встретиться с ним. Помнишь?

– Хотела, – кивнула Алла. – Я много чего хотела. Да не все получалось. Не отважилась. А честно, самолюбие остановило, – она импульсивно дернулась.

Адаевский поразился. Самолюбие у Аллы? Откуда оно вдруг взялось? А нерешительность, застенчивость, скромность – это вообще не про нее.

Она скривила красивые губы:

– Я сама удивляюсь, Анатолий, но ты знаешь, мне кажется, я становлюсь иной. И потом, незванный гость это как кость в горле. Я бы не хотела больше быть такой костью, – помолчала, хмыкнула. – Надоели мужики. Кружатся вокруг меня, как слепни вокруг лошади. Каждый норовит попробовать сладкого. Достали.

– Выбор за тобой, – напомнил Адаевский.

– Не могу я выбрать, Анатолий, и оттого тошно становится на душе. Дураки вокруг. Причем круглые дураки. Каждый мнит себя пупом земли, таким особенным мужиком. Надоело быть среди дураков.

– Ты и нас под одну гребенку? – промурлыкал Адаевский. – И меня, и Печаева, и Аспенского, и Хавина туда же.

– Перестань, Анатолий, ты прекрасно понимаешь, о ком я говорю, – ответила Истровская. – А между прочим, Аспенский он и есть дурак. Мыльным пузырем оказался. Пальцем деланный. Весь его бизнес разбух в свое время благодаря покойной жене. Без нее он получился обыкновенным нулем. Да и Печаев под Мариной танцует. Ну, что это за мужик, смотреть смешно и тошно. Не люблю таких мужиков! Опустили себя мужики! Не стало мужиков! Нету мужиков! – Прищурилась вопросительно. – А Хавин ненароком в наши края не собирается? Все-таки из-за него тогда заварилась вся каша. Посмотреть бы, как он выглядит. А ведь наш нынешний бизнес начинался с его легкой руки. Пять лет. Юбилей своего рода.

– Не собирается, – сухо проговорил Анатолий.

– А ты напомни ему! – посоветовала Алла. – Пригласи! Хватит уже сидеть в своей норе. Спрятался там, как крот. Но от себя не спрячешься и не убежишь. – Вздохнула и сверкнула глазами. – Хотелось бы повидаться. Я б сама пригласила, но не желаю больше быть навязчивой, не могу ущемлять чувство собственного достоинства.

Адаевский усмешливо икнул и отвернул лицо в сторону.

Когда за нею закрылась дверь, подумал, что Алла, наверно, права. Не мешало бы отметить пятилетний юбилей. Что, собственно, препятствует ему? Ведь с момента начала ни разу не отмечали. Пахали, как кони-тяжеловозы. Думать некогда было о праздниках. Зато есть теперь чем погордиться.

Анатолий удовлетворенно заиграл мимикой лица.

Алла стремительно вышла из офиса. Горячее дыхание летнего дня обожгло жаром, и она остановилась, подставив лицо лучам солнца. Услыхала, как рядом хлопнула дверца автомобиля. Из авто вышел мужчина в кремовой рубашке и брюках. Алла мельком пробежала по нему глазами. Примерно того же возраста, что она. Приятного вида, отметила в уме. И больше ничего.

Он двинулся в ее сторону. Поравнявшись, спросил:

– Мне нужна Алла Васильевна Истровская. Не вы ли это будете?

Алла по привычке оценивающе глянула мужчине в глаза, но ничего не смогла прочитать в них, и это немного обескуражило, усмехнулась:

– Я и буду Алла Васильевна Истровская.

– Меня зовут Дмитрий Пекрасов, – представился мужчина. – У меня к вам дело. Ничего, что я вот так сразу? – спросил и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Я был в вашем офисе, но мне сказали, что вы уехали сюда, поэтому я здесь.

– Кто же вы такой, Дмитрий Пекрасов, и что вы от меня хотите? – импульсивно спросила Истровская, сойдя с места.

– Неделию назад я приобрел в вашем городе магазинчик, – произнес Пекрасов, – но, видимо, допустил оплошность, потому что никогда прежде не занимался торговлей. По рекомендации одного из знакомых решил обратиться к вам за по-

мощью, чтобы помогли организовать торговлю. Или, в крайнем случае, купили у меня этот магазинчик.

Алла посмотрела на него с удивлением, у этого Пекрасова не все в порядке с головой. Чтобы она выращивала конкурента себе? С какой стати? Истровская подошла к своей машине, распахнула дверцу, красиво села, вставила ключ зажигания. Стартер крутанул мотор, тот загудел, но не завелся. Она лихорадочно давила на ключ зажигания. Бесполезно. Начала нервничать.

– Аккумулятор посадите, – сказал Пекрасов, стоя возле распахнутой дверцы. – Откройте капот, я посмотрю.

– А вы разбираетесь в машинах? – недовольно и недоверчиво сверкнула искорками глаз Алла.

– Да есть немного, – отозвался он.

Она потянула на себя ручку. Пекрасов подвернул рукава рубашки выше локтей, поднял крышку капота, наклонился над мотором. Истровская вылезла из авто и стала наблюдать за ним. Смотрела на пружинистую спину, загорелую шею, уверенные движения крепких рук. Прошло некоторое время, прежде чем Пекрасов выпрямился. Хлопнул крышкой капота, сказал:

– Пробуйте.

Она села за руль, надавила на ключ зажигания. Мотор завелся. Алла довольно взвизгнула, сунула Пекрасову несколько бумажных салфеток, чтобы вытер руки, закрыла дверцу авто и включила скорость. Машина понеслась по дороге.

Пекрасов изумленно опешил. Кинулся к своему автомобилю. И погнал за Истровской.

Алла была уверена, что Дмитрий непременно сделает это, ведь он не получил никакого ответа от нее. Наверняка перед встречей навел о ней справки. И сейчас явно заинтересовался ею. Бесспорно, попытается затащить в свою постель. Она читала его, как раскрытую книгу.

Все мужики одинаковы, думала она, как, впрочем, и все женщины. Хотя со вторым расхожим суждением согласиться не могла. Женщины не одинаковы. Вот она всегда отличалась от многих, в ней свой особенный огонь. Жить надо в огне, считала Истровская, со скоростью света, иначе жизнь превращается в скучное театральное действо, смотреть до конца которое утомительно и необязательно.

Алла поглядывала в зеркало заднего вида, и ее худенькое тело тряслось от смеха. Эх, мужики, мужики, что же вы так опустили себя? Все стали предсказуемыми. Неинтересными, пустыми, как опорожненная баклажка.

Пекрасов догнал ее, когда она подъезжала к небольшому двухэтажному зданию, где располагался офис. Кроме офиса в здании был магазин и склад. Не успела Истровская выйти из машины, а он уже был рядом:

– Вы так стремительны, Алла Васильевна, ускользаете, как песок сквозь пальцы, – проговорил то ли с восторгом, то ли с сожалением.

– Вы тоже быстро исправили машину, – ответила Истров-

ская, вылезая из авто. – Как вам это удалось?

Он подставил руку, она оперлась на нее.

– Я долгое время занимался тачками, – пояснил, – ремонтирую их с закрытыми глазами. Но я не только машины знаю, у меня много разных талантов, – сказал уже тоном старого знакомого.

– Что-то вы раскукарекались, как петух на насесте, – хмыкнула Истровская. – Хвалите себя с таким упоением, прямо перья распушили, – она шагнула к зданию. – Догоняйте, – сказала на ходу. – Не здесь же вести деловые переговоры.

Вошли в офис и Алла, проходя через приемную, распорядилась, чтобы секретарь сделала кофе для гостя. Та с любопытством посмотрела на него.

Дмитрий был среднего роста, с аккуратным боковым пробором на темных волосах, прямым носом, чувственными губами и подбородком с едва уловимой ямочкой. В темно-серых брюках и кремовой рубашке с подвернутыми рукавами. Внешность оставляла неплохое впечатление. Движения быстры и точны.

Он улыбнулся, заметив любопытство в глазах секретаря.

Истровская прошла в кабинет, села в рабочее кресло, показала ему на стул. Он опустился на него, прижался к спинке, заговорил деловым тоном:

– Я понимаю, Алла Васильевна, моя просьба не совсем обычная. Тем более что мы впервые видим друг друга.

– Да уж, не в бровь, а в глаз, – съязвила она. – Вы, наверно, думаете, что всякий желающий на улице может обращаться ко мне с такими просьбами. И что мне делать нечего, кроме как заниматься вами, – сказала с усмешкой.

– Нет, ну что вы, я так не думаю. Это было бы глупо с моей стороны. Руководить целой сетью – большая головная боль. Но вы блестяще справляетесь с этим. Мой магазинчик для вас вряд ли станет помехой, – проговорил Пекрасов. – Я в торговле новичок. Просто добрые люди в вашем городе втянули меня в это и рассказали, как начинали вы.

– Вам какая разница, как я начинала? – вскинула брови Истровская, нервно дернулась, забарабанила пальцами по крышке стола. – Кто ж это вам напел, что я блестяще справляюсь? – она опалила его огоньками глаз, не скрывая досады. – Счастливчик. Вам удалось найти добрых людей в нашем городе. Я их что-то давно не встречала, не попадались они мне как-то.

– Считайте, что встретили, – привстал со стула Дмитрий и подался вперед. – Один из них перед вами.

Красивые губы Аллы тронула ироническая улыбка:

– А вы не страдаете скромностью. Такое самомнение. Кто вы?!

– Если бы вы приняли мое предложение, Алла Васильевна, мы могли бы познакомиться ближе, – с легким намеком произнес Пекрасов. – Вы бы убедились, что я не трепло с улицы. Соглашайтесь, Алла Васильевна! – Он выжидающе

смотрел ей в глаза.

Истровская разгадала намек, но она никогда не подчиняла себя чужим желаниям и сразу дала это понять. Не надо гнать лошадей впереди паровоза. Это раньше она завелась бы с полуоборота. Она никогда не упускала случая получить удовольствие. Глупо сдерживать себя, зная, что все в жизни скоротечно. Сама жизнь пролетает, как птица, даже быстрее, как пуля, и даже еще скорее, как один миг. Но сейчас – не раньше. Алла усмешливо хмыкнула.

Дмитрий стушевался. Видимо, рассчитывал на легкую победу самовлюбленный дурачок, подумала она. Вероятно, «добрые люди» не сказали ему, что выбирает она, а не ее.

В жизни Аллы был только один человек, который мог бы сам выбрать ее. Но он не сделал этого. Удивительно устроен этот мир. Много мужчин перебивало в ее постели, но душа до сих пор не забывает того, кто оказался недосягаемым.

В эту минуту дверь кабинета открылась и с подносом в руке возникла секретарь. Поставила его перед Пекрасовым, приветливо улыбнулась и вышла.

Алла заметила, как его взгляд приковался к бедрам девушки. Нахмурилась. Еще одной не уломал, а уже к другой присматривается. Знать, ходок по юбкам. Хороший, видать, самец. Удивительно. Где нынче хороших самцов найдешь? Все в Красной книге. Надо к нему присмотреться. Похоже, он ягодка с того же поля, что и она.

Пекрасов почуял настроение Истровской и неожиданно

предложил:

– Если у вас сейчас есть время, Алла Васильевна, давайте вместе выпьем по чашечке кофе в иной обстановке. В ресторане. Я вас приглашаю.

Алла долго не раздумывала, она вообще всегда думала стремительно:

– Почему бы нет? Но при условии: вы расскажете о себе, – искорки в ее глазах оживились.

– Обещаю, – согласился Пекрасов. – Отвечу на любой вопрос.

Когда Алла садилась в свою машину, он обходительно поддержал под локоть и коснулся губами ее пальцев. По руке Истровской пошли волнующие импульсы.

На двух машинах они подкатили к ресторану. Припарковались.

Она едва успела открыть дверцу и выставить наружу ноги, как он вынырнул из-за машины и протянул руку. Ей понравилось.

Алла любила, когда на ней останавливались взгляды мужчин. Голодные мужские взгляды наполняли ее энергией и делали еще более привлекательной.

Ресторан был небольшим и единственным в этом маленьком городе. Зал удлиненный, с десятью столиками.

Истровская прошла вглубь, выбрала место. Пекрасов поспешно выдвинул для нее стул. Ее стройная фигура изящно опустилась на сиденье. И она затылком почувствовала, как

его жадный взгляд метался по ее худенькому телу, как он не мог оторвать рук от спинки стула. Наконец Дмитрий сел напротив. Она молчала, ожидая, с чего он начнет разговор.

– Вы прекрасны, как фея, Алла Васильевна! – с восторгом произнес Пекрасов.

Наконец-то, удовлетворенно подумала она, кажется, он понял, как должен играть свою роль, и начал правильно делать. Однако сравнение с феей было неподходящим. Ибо о себе Истровская знала все и не видела ничего схожего с волшебницей. А вот о нем – ничего. Кто он, откуда, как появился в городке?

– Я несколько лет работал на станции техобслуживания в таком же небольшом городке, – начал Пекрасов, – потом открыл свое дело. Вдвоем с приятелем организовали мебельное производство. Дело пошло удачно. Расширились. И стали думать об открытии сети мебельных салонов. Но, как я вам говорил, торговать – это другая наука. Молва принесла, что вы удачливый предприниматель в сфере торговли. Поэтому я пришел к вам.

Искорки в глазах Аллы, вспыхнув, погасли. Как-то пресно он все рассказал. Но походило на правду. Всегда и во всем стремительную Аллу на этот раз что-то притормаживало, она продолжала присматриваться. Ей не очень нравилось, что в его черных глазах она вязла словно в болоте. Они засасывали ее. Но при этом в них ничего нельзя было прочесть.

Странное чувство охватывало Истровскую. Если бы не это чувство, она бы уже потащила Дмитрия к себе. Взяла б за жабры, чтобы не выскользнул. Но сейчас, несмотря на все его красивые слова, Алла стопорилась. А он восхищался ею, говорил много, слова лились из него, как журчащий ручей. Старался, хотел понравиться. Дурачок, думала она, язык у мужика не для того, чтобы плести небывилицы. Магазинчик. Вижу я твой магазинчик. Весь он у тебя между ног болтается.

Надо было на что-то решиться. Она не узнавала себя. Почему такая неуверенность? Впрочем, она не обманывала Адаевского, когда говорила ему, что стала другой. Но измениться полностью человек все-таки не способен. А потому и у нее наступил момент перелома. Истровская отбросила внутреннее сопротивление, отпустила тормоза. При этом не сомневалась, что Пекрасов ждет такого мига. Встала из-за стола, намереваясь выдохнуть, ну все, поехали ко мне!

Однако его вопрос опередил ее:

– Вы уже уходите, Алла Васильевна?

– А разве вы не уходите со мной? – она энергично отодвинула стул, давая понять Дмитрию, что ему тоже надо подниматься на ноги.

– Я, пожалуй, еще задержусь, – вдруг произнес Пекрасов.

Такого поворота она не ждала. Оторопела. В глазах мгновенно заиграл злой огонь. Дмитрий как будто унижил ее, врезал ей пощечину. В эту секунду она готова была задушить его. Вернуть бы время, когда ее коготки безжалостно вцепи-

лись бы ему в горло. Но сейчас Алла сдержалась. Резко отвернулась и стремительно, как вихрь, вылетела из ресторана. Ее худенькое тело пылало яростью. Глупец, он все испортил. Все. Больше она его видеть не хочет. Лучше ему не попадаться ей на глаза.

Поздним вечером Алла выключила телевизор, настроила на мобильнике будильник, потушила свет и легла спать. Долго раздраженно ворочалась с боку на бок. Сон подкрался незаметно. Провалилась, как в пропасть.

Вздрогнула от звонка. Машинально схватила сотовый, глянула на время, два часа ночи. Удивилась, приходя в себя и понимая, что звонили в дверь. Звонок трещал непрерывно, не давал покоя. Она недовольно поднялась с кровати, сунула ноги в тапки, удивляясь, кто бы мог среди ночи рваться к ней. Пробежала к входной двери. И спросонья не глянув в глазок, открыла.

На пороге стоял Пекрасов:

– Я не разбудил вас, Алла Васильевна? – задал он глупый вопрос.

Алла была в одних трусиках. Дмитрий схватил ее, крепко прижал к себе. Она не противилась. Но за унижение в ресторане хотела разорвать его на куски.

До утра Алла больше не заснула и не дала заснуть Пекрасову. Утром спросила:

– Почему ты не пошел со мной из ресторана? Ведь ты знал,

чего я хотела.

– Потому что ты еще не была до конца уверена, что правильно поступаешь, – ответил Дмитрий. – Я видел это по твоему выражению лица. Ты сомневалась.

– Я и сейчас сомневаюсь, – сказала Алла.

– Нет. У тебя другое лицо, – улыбнулся Дмитрий и поцеловал ее в плечо.

– Ты слишком самонадеян, – нахмурила брови Истровская. – Смотри, не ошибись. У тебя есть семья?

Пекрасов приподнялся на локоть:

– Была. Развелся. Бизнес всему виной. Жена не понимала, зачем он мне нужен. А ты превосходна в постели, я так и предполагал.

– Неужто, глядя на меня, можно предполагать иное? – усмехнулась Алла и красиво выгнулась.

– Ты горяча и темпераментна, и тебе безумно интересно все новое, – выговорил Дмитрий, наклонился над нею и поцеловал в губы.

В голове у нее был полный разброд. Мысли не собирались в одно целое.

С одной стороны, Пекрасов – один из многих, кто перебивал в ее постели. О ком вспоминала она как о предметах для утоления бабьего голода. Долгих связей с ними не заводила, ибо знала, что найдутся другие с такими же словами и ласками. С другой стороны, Алла находила в нем какую-то изюминку. Он в постели обладал буйством, подоб-

ным ее неистовству. Это выделяло его из многих.

Алла ловила себя на том, что не прочь удержать Пекрасова рядом с собой несколько дольше, чем иных. Насколько дольше, она еще не знала, но определенно хотела этого. Одно приводило ее в смущение. Она не верила его словам, ибо все мужики не жалеют слов в постели. Но тем и слаще станет победа, если ей удастся оплести его своей паутиной.

Возможно, недалек день, когда она прогонит Дмитрия, как многих, но сейчас она не хотела выпускать его из своих коготков, несмотря на странные колебания в душе. Как будто чувствовала что-то ненастоящее в Пекрасове, какой-то подвох с его стороны, как бы чуяла, что должна сторониться и опасаться его. Отчего это было, она не понимала и поэтому злилась на себя.

– Не сомневайся во мне, – угадав ее мысли, Дмитрий обнял.

Алла вздрогнула, его слова прозвучали именно в тот момент, когда ее колебания сжали сердце. Она импульсивно оторвала голову от подушки, спросила:

– Ты святой, что ли, чтобы в тебе не сомневаться?

Дмитрий не пошевелился, и Алла ощутила, что видит двух разных людей: один – кипучий и ненасытный, другой – спокойный, как удав. И этот спокойный был ей страшен, потому что влезал в ее мозг и точил, как червь яблоко.

– Я никогда не подведу женщину, которая мне нравится, – снова подал голос Пекрасов.

– И давно вдруг я тебе понравилась? – Алла смотрела ему в лицо, пытаясь разгадать истинный смысл его ответов на свои вопросы. – Уж не с того ли момента, как тебе понадобилось организовать торговлю в этом городе?

Вопреки ее ожиданиям услышала утвердительный ответ:

– Я же не знал тебя до этого. – Дмитрий серьезно посмотрел на Истровскую. – Но сегодня ночью ты превзошла мои ожидания. Подобной женщины у меня никогда не было. Просто нет слов! – На минуту умолк, и потом воскликнул: – К черту магазин! Пускай им занимается компаньон! Мне нужна ты! Будь со мной, Алла! – Пекрасов обхватил ее руками.

Истровская никогда не связывала бизнес и постель, ее насторожил его выплеск через край.

– Остынь, – остановила она. – Впрочем, холодный ты мне не нужен.

– Хочешь, я положу к твоим ногам свой бизнес? – продолжил Пекрасов.

Аллу удивило это. Как-то подозрительно быстро он стал кидать к ее ногам все, что у него было, из-за чего даже с семьей порвал. Не обезумел же в одночасье от страсти к ней. Хотя каждой женщине хотелось бы такого. Но она давно не наивна. Красиво сказал, зажигательно, ан все вранье. Конечно, она желала произвести на него впечатление и, похоже, зацепила, но не до такой же степени.

– Нет, – вздохнула. – Я не кровожадная. Мне твой бизнес

не нужен. Но так и быть, я помогу тебе организовать торговлю.

Прошло две недели, как Хавин снял номер в гостинице для Кристины Зороленко. Она уже не надеялась когда-нибудь снова увидеть его. Кутила на оставшиеся деньги. Если жизнь поворачивалась к ней задом, то сама себе она старалась делать праздник. Короткий, но от души.

Снова позвала Бориса Килонова. Видеть его не очень хотелось, но, увы, на сегодня выбора не было. Знала, он прилетит мгновенно. Поэтому собиралась быстро, но с чувством неудовлетворенности собой. Хотела уже выходить, как в дверь раздался стук. Подумала, Борис приперся, ведь сказала – ждать на улице!

Открыла дверь и растерялась. Хавин. У Кристины екнуло сердце. Она замешкалась. Пробормотала:

– Проходите.

Он продолжал стоять и рассматривать ее. Неожиданный приезд Марины все спутал. Павел так и не понял, зачем та приезжала. Мелькнула и исчезла. И теперь уже казалась сном. Но ему понадобилось время, чтобы привести в порядок мысли. Когда остыл, вновь захотелось увидеть Кристину.

Павел вошел в номер. Сердце у девушки забилося часто-часто. Он взял ее за талию, прижал к себе и поцеловал. А ей все еще не верилось, что он вернулся.

– Поехали, – сказал Хавин.

– Куда? – выдохнула она.

– На выставку, – сказал он.

– Я же не одета для этого, – шепнула Кристина.

– Все нормально, – проговорил Павел.

Она смущенно засуетилась перед зеркалом, поправляя одежду, прическу и вообще не зная, куда деть руки. Он улыбался.

Она закрыла номер, Хавин подставил ей локоть. Она подхватила его под руку, и они вышли из гостиницы. На углу здания топтался Борис. Увидав ее с Павлом, опешил. А Кристина сделала вид, что не замечает Килонова.

Хавин подвел Кристину к своей машине. И в этот миг Борис сорвался с места. Она никак не ожидала от него такой прыти. Уверена была, что он не решится двинуться с места. Но тот резво подскочил к машине Павла и возмущенно выкрикнул:

– Эй, я что-то не понял! Ты куда ее увозишь, старик? Это моя девушка!

Хавин оторопел от такого обращения. Неужели он походил на старика? Он так не считал. На лице появилось негодующее выражение, хотел грубо ответить наглецу, но Кристина опередила. Недовольно глянула на Бориса, останавливая его:

– В чем дело, молодой человек? Что тебе надо? Сколько можно меня преследовать? Я же говорила тебе, чтоб катился колбаской!

Борис не ожидал подобного поворота, растерялся и сту-

шевался. За секунду пыл слетел с него пылью. И обида, горькая и взрывная, стала заполнять мозг. Что эта девка себе позволяет! Вздумала играть с ним, как кошка с мышкой! Угрожающе сузил глаза:

– Я тебе устрою! Ты меня запомнишь!

Из-за руля выскочил водитель Хавина и оттеснил Килонова от машины. Борис ретировался, нервно задергал скулами, провожая злым взглядом отъезжающий автомобиль. Кристина сжала губы, ноздри острого носика дрожали.

– Кто он? – спросил Павел.

– Маньяк какой-то, прицепился на улице и преследует! – соврала Кристина, разлепив губы.

Хавин неопределенно качнул головой, сделал паузу, после чего задумчиво спросил:

– Неужели я похож на старика?

– Побольше бы таких стариков! – воскликнула Кристина и осеклась. Получилось как бы, что она подтвердила слова Бориса, хотя хотела сказать обратное, ибо уловила в вопросе Павла беспокойство. Ему явно претило, когда девушка рядом с ним заглядывалась на тех, кто моложе.

Дальше Павел ни о чем не спрашивал. Подъехали к выставочному центру. В дверях павильона их встретили трое сотрудников Хавина. Почтительно расступились, с любопытством поглядывая на Кристину, а потом, перебивая друг друга, стали выкладывать Хавину свои впечатления о выставке.

Павильон был наполнен образцами оборудования, изде-

лий, технологий. Для Кристины все это было – темный лес, но она делала умное выражение лица, когда они останавливались у разных стендов и рассматривали выставленные образцы. Слушала вопросы Хавина, ответы на них и запоминала. У одного из стендов даже рискнула сама задать вопрос в стиле Павла и попала в точку. Сотрудники Хавина удивленно переглянулись.

Когда отошли от этого стенда, Кристина шепнула Хавину, что ничего не поняла из ответа на ее вопрос, и спросила, понял ли он. Павел улыбнулся и взял ее под руку. У следующего стенда Хавин задержался надолго. Кристина терпеливо слушала длинные технические обсуждения, пока они не утомили ее. После чего отошла чуть в сторону. Двое сотрудников Павла закружили возле, как молодые застоявшиеся жеребцы. Но Павел не выпускал ее из виду.

Закончив обсуждение, Хавин сначала объявил своим людям, что решил заключить контракт на это оборудование, а потом внезапно спросил у Кристины, считает ли она, что он сделал хороший выбор. Девушка поняла его ход. Не растерялась. Опять сделала умное лицо, произнесла:

– Выбор действительно хороший. Разумно, очень разумно.

И остальные закивали, из чего она заключила, что снова угодила в точку. Находиться рядом с Павлом и пытаться соответствовать ему было нелегко, но чертовски интересно, особенно когда удавалось попадать в точку. Сегодня она, ка-

жется, была в ударе, потому что всякий раз попадала в десятку. Правда, все ей давалось непросто, она напряженно хватала незнакомую терминологию и с трудом впитывала ее. Оказывается, у нее были и такие таланты. Получается, что она сама плохо знала себя. А Павел совсем ее не знал. Тогда по каким критериям он выбрал ее? Впрочем, кто сказал, что он выбрал ее? Это она хотела, чтобы было так. Но совсем не значило, что так было на самом деле. Зачем он взял ее на эту выставку? Непонятно. Присматривается, что ли? Непросто, очень непросто завоевать Хавина, но упустить свой шанс глупо. Ей нужен успех. Она для этого приехала в Москву.

После выставки они заехали в кафе, потом Павел повез ее в театр. Спектакль ей понравился. Она была поглощена представлением. А он отмечал, что Кристина не походила на его прежних женщин. Она не была утонченной, но не была и простушкой. Очевидно, что жизненной пресс оставил на ней свои следы, но не изломал, не изуродовал.

Спектакль как будто вернул ей детскую непосредственность. Девушка вышла на улицу с радостным выражением на лице.

Наступил вечер. Хавин сел вместе с нею в машину. Поехали в гостиницу. Она улыбалась. Он смотрел на нее, и его сильнее потянуло к ней.

Через холл гостиницы они прошли в ресторан. Посетителей в зале было немного. Ни на кого не глядя, сели за столик.

Павел открыл меню, стал просматривать, а Кристина поедала глазами его. Ей как будто не верилось, что целый день она провела с ним, что сейчас он был напротив и не собирался уходить. Хавин сделал заказ, закрыл меню и посмотрел на девушку. Длинные черные волосы Кристины завитушками ниспадали на плечи. Павлу хотелось дотронуться до них и погладить.

Играла тихая приятная музыка из его детства. Он пытался вспомнить, что это была за музыка, но не мог. Не обратил внимания, как сбоку от дальнего столика поднялся мужчина и направился к ним.

Кристина увидела первая. Тот шел покачиваясь и глядел на нее, как на свою старую знакомую. Был он лет тридцати, высок, с усмешкой на лице, с коротким чубчиком, светлыми глазами и длинным носом. Его панибратский взор удивил Кристину. Она впервые зрела этого человека, она вообще мало кого знала в Москве. А мужчина, подойдя, проговорил:

– Приветствую, Павел Сергеевич! Не ожидал вас тут встретить. Рад видеть!

– Вы, Юрий Семенович? – повернулся на голос Хавин. – Когда приехали в Москву?

– Завтра уезжаю, – ответил Юрий и глянул на Кристину. – Все дела сделал. Собирался забежать к вам, да не получилось на этот раз.

Хавин представил его девушке:

– Познакомься, Кристина, это Юрий Семенович Нарин. Из Томска. У нас с ним связи по бизнесу.

Крестину Павел не успел представить, потому что Нарин, бесцеремонно, не спрашивая разрешения, сел на свободное место и протянул девушке руку:

– Можно просто Юрий.

Крестине Нарин не понравился, не понравились его глаза, они смотрели на нее фамиллярно, как на уличную девку. Она не ответила на его жест. И он нахмурился и убрал руку.

Хавина удивляло развязное поведение Юрия, даже начало коробить. Тот заметно хлебнул лишнего, был чересчур навеселе. И даже не понимал, что оказался здесь лишним. Завел разговор с Хавиным о какой-то удачной сделке, которую совершил в Москве. Бахвалился и бросал на Крестину колющие взгляды, как будто собирался забраться ей под юбку, с явным намерением увести с собой, как обычно не церемонятся с девушками на панели.

Крестина разозлилась, этот Нарин, похоже, спьяну оборзел. За кого он ее принимает? Козел недоношенный. Она яростно отбивала от себя его взгляды. А он говорил и говорил, хотя ни Хавин, ни Крестина его уже не слушали.

Нарина заметно раззадоривал негодующий отпор Крестины. Он на самом деле решил, что Хавин где-то удачно подцепил эту красотку, чтобы развлечься. И Юрий положил на Крестину глаз, был не против попользоваться ею. Вяло развязал язык и спросил:

– Послушайте, Павел Сергеевич, сколько стоит эта девка? Плачу вдвое больше! Отдайте ее мне. Пойдешь со мной, красотка? – протянул к ней руку.

Терпение Павла закончилось, он вскочил на ноги, дернул Нарина за плечо:

– Вы опьянели, Юрий! Убирайтесь к своему столику! Вы слышите? Вон отсюда!

Посетители повернули головы к ним. Официанты насто- рожились.

Нарина удивил этот окрик. Он посмотрел на руку Хавина, сдавивую ему плечо, поднял глаза на лицо взорвавшегося Павла и начал соображать, что перегнул палку, что из- за девки не стоило портить отношений с Хавиным. Бизнес превыше любой красотки. Утрата деловых связей с Павлом грозила ему потерей значительных доходов. Допустить этого Нарин не мог:

– Все, все, все, – убрал он руку Хавина с плеча, – ухожу, Павел Сергеевич, ухожу. Но девка хороша! – Он кинул последний взгляд на Кристину, как на вещь, которой он непременно еще воспользуется. А потом быстренько ретировался от их столика.

Кристина остывала медленно. Возмущенно глубоко дышала. Этот Нарин обыкновенный хам. Хоть и она не отличалась изысканностью манер, но нельзя же не иметь тормозов.

Хавин опустил на стул. Еще некоторое время они молча смотрели друг на друга, приводя в порядок мысли. Раз-

дражение в душе после Нарина пропадало, но осадок все-таки оставался. Еда показалась невкусной. Пригубив кофе, они наконец встали из-за столика и пошли к выходу.

Увлеченные друг другом, не видели, как следом за ними от своего столика двинулся Нарин. Догнал перед лифтом и в последний момент протиснулся в дверь. Начал навязчиво пьяно извиняться за свое нетактичное поведение. Нудно и противно. Потом вышел за ними и, качаясь, остановился, проводил взглядом до самой двери номера, хмурясь и пряча под бровями холодный блеск зрачков.

В номере Кристина и Павел долго вместе стояли под прохладным душем, ощущая, как струи воды выгоняли из них усталость дня и раздражение от Нарина. Хавин говорил слова, которые ей хотелось слушать. Девушке казалось, что ничего лучше она никогда не слышала. Она желала нравиться ему, и кажется, сама начинала терять голову.

Павел на руках отнес ее в постель. И все кругом для двоих куда-то пропало. Только в перерывах, отдыхая, он с грустью вспоминал о том, что со всеми женщинами у него всегда начиналось в таких же ярких и сочных красках, а заканчивалось в ином цвете.

Хавин оставался у Кристины до утра. От нее поехал на работу. Девушка, проводив его, снова легла, закинула руки за голову, вспоминая о проведенных с ним часах. Казалось бы, она должна была радоваться происходящему, но на ду-

ше почему-то сделалось пусто. Как прежде сердце сдавила
неопределенность. Доведется ли увидеть Павла вновь? Все
писано вилами на воде. А так хочется определенности.

В дверь номера постучали. Кристина вскочила, думая, что вернулся Павел. Поискала глазами, что на себя набросить, не нашла, куда зашвырнула халат, махнула рукой и метнулась к двери обнаженная, как провожала его. Открыла и застыла от неожиданности. На пороге стоял Нарин. Он смотрел жадно и уверенно, наверняка зная, что она в номере одна. Девушка попыталась захлопнуть дверь перед его носом, но он подставил ногу. И буквально ворвался в номер, широко осклабясь в предвкушении удовольствия:

– Что, длинноножка, не ждала меня? – Он не отрывал глаз от обнаженного тела Кристины. – А ты красивая. В моем вкусе. Не сопротивляйся, девочка, я не хуже Хавина! – Сделал широкий шаг к Кристине.

От него несло перегаром, похоже, пьянствовал полночи. Впрочем, так оно и было. Сидел в ресторане до закрытия. Кристина запала ему в душу, захотелось напоследок, перед отъездом из Москвы, попробовать проститутку, которая обслуживала Хавина. Наверняка тот какую попало подбирать не станет. Знать, хороший товар, коли за нее Хавин готов был взять его за глотку. Несомненно, она чего-то стоила, и было любопытно узнать ей цену.

И потом амбиции не давали покоя. Она, как непокорная тигрица, смотрела на него в ресторане. А он любил тигриц,

ибо всегда приятно укрощать строптивых, после этого чувствуешь себя настоящим мужиком.

Ночью, уходя из ресторана, он не забыл приплатить администратору на ресепшен, чтобы та ему позвонила, когда Хавин покинет номер. И после звонка направился к Кристине.

Он, высокий и крепкий, надвигался на нее, широко расставляя руки и загоня девушку в угол комнаты:

– Не бойся, длинноножка, я не сделаю тебе больно. Будет очень приятно, поверь. Если, конечно, не станешь взбрыкивать. Тогда придется сделать больно, чтобы не брыкалась.

– Не подходи! – крикнула Кристина, собираясь в комок, как собирается в комок загнанная в угол тигрица, готовясь к решительному прыжку.

– Хороша, хороша! Люблю кусачих! – осклабился Юрий и коснулся рукой ее тела.

По Кристине пробежала дрожь, как будто до нее дотронулось нечто омерзительное. Нарин еще не протрезвел до конца и наседали уперто и тупо. Отговаривать его было бессмысленно. Справиться с ним – не по силам. Тем не менее она решительно ударила по рукам:

– Я позову полицию! – предупредила с яростью.

– Зови, шлюха, зови! Я тебя потом сам в полицию отправлю! – прорычал Нарин.

– Я не шлюха! – девушка толкнула его в грудь.

Он пошатнулся, отступил на шаг, заурчал себе под нос и снова качнулся к ней. Обхватил, засопел удовлетворенно:

– Не с панели? Значит, ты лучше измочаленной подстилки! Меня это больше устраивает! Не надейся, я тебя не упущу! – Его руки стали сжимать ее тело и ломать сопротивление.

Она уперлась ладонями в его подбородок и сильно ударила коленом между ног. От резкой боли в паху Нарин взвыл и разжал руки:

– Дрянь! – захрипел, приседая. – Я тебя в бараний рог скручу! Глупая дура! Ноги выдерну!

Кристина оттолкнула Юрия, кинулась к двери, но он успел схватить ее за руку. Ногти девушки яростно вцепились ему в шею. Нарин выругался и ударил:

– Я тебе поцапаюсь! Сучка! Ложись сама, а то пришибу!

Но она не собиралась сдаваться, снова и снова царапалась и пиналась. Сейчас ее ноги и ногти были единственным оружием против мужской силы. В ответ получала кулаком в живот, отчего перехватывало дыхание. Было больно, но ярость придавала силы и не пускала уступить.

Юрий начинал звереть, оттого что не мог сломить сопротивление, глаза налились кровью.

Девушка отодвинулась к окну, уперлась бедром в крышку стола и осознала, что дальше пятиться некуда. Машинально пошарила руками по столешнице, наткнулась на графин. Схватила и обрушила на его голову.

Нарин квакнул и медленно повалился набок. Рухнул у ее ног. Падая, сильно ударил висок об угол тумбочки.

Кристина перепрыгнула через него и кинулась к своей одежде. В другой комнате стала поспешно одеваться. Поглядывала через дверь на лежавшего на полу Юрия, опасаясь, что не успеет собраться прежде, чем тот очнется. Одевшись, немного отдышалась. Нарин лежал на боку, не шевелился, девушка с опаской приблизилась к нему, дотронулась, толкнула:

– Эй, чего разлегся? Вставай уже! Эй! – потормошила слегка.

Юрий оставался неподвижным. Кристина перевернула его на спину и увидела кровь на виске.

– Ты чего? – перепугалась она, догадка обожгла. – Не придуривайся! Вставай, слышишь!

Но Нарин уже никого не слышал, он был мертв.

У Кристины задрожали ноги, она не могла осознать того, что произошло, она не хотела в это верить. Все было так невероятно и так неожиданно, что казалось игрой, сном, чем угодно, только не реальностью.

Жизнь столько раз показывала ей свои жуткие стороны, но то, что она видела сейчас, было страшнее всего вместе взятого.

Кристина заметалась по номеру. Ей в эти мгновения сдавалось, что она должна что-то делать, и она хваталась за все, что попадалось под руки. На ключ заперла дверь, потом повалилась на пол и забилась в рыданиях. Ужас сковал девушку. На короткое время у нее отказали руки и ноги, даже мозг

перестал воспринимать происходящее.

Но скоро инстинкт самосохранения поднял с пола. Де-вушка машинально побросала в сумку свои вещи и торопли-во вымахнула за дверь.

Администратор удивилась, увидав ее взъерошенный вид. Постоялица пронеслась по холлу и вырвалась на улицу. Только одна мысль преследовала ее сейчас: спрятаться, где-нибудь спрятаться, лишь бы не попасть в тюрьму. Этот страх разрастался в мозгу до невероятных размеров.

Кристина проклинала графин, который подвернулся ей под руку. Если бы она могла предположить, что такое случится, она бы не сопротивлялась, пускай бы Нарин изнаси-ловал ее, но она бы не была убийцей.

Страх гнал по улицам Москвы. Теперь она ненавидела этот город. Не нужно было приезжать сюда. Ничего бы тогда не произошло. Но этот город, как магнит, притягивает к себе всех. И, как все, она надеялась поймать здесь удачу, а нашла дорогу в ад.

Кристина пришла в себя тогда, когда очутилась перед две-рюю квартиры Ларисы Азмайловой. Нажала на кнопку звон-ка.

Сестра открыла дверь и радостно воскликнула:

– Появилась, пропащая душа! Ушла и ни слуху ни духу. А я только недавно тебя вспоминала. Нехорошо как-то все получилось. Ты не обижайся на Октябрину, она горячая, но

быстро отходчивая. Заходи. Я на работу собираюсь. Еще б немного и ты бы меня не застала.

– Ты одна? – настороженно спросила Кристина, осматривая взглядом прихожую за спиной Ларисы.

– Одна сегодня, – кивнула та и спросила. – Что это на тебе лица нет? – отступила от двери, пропуская сестру внутрь.

Кристина бросила сумку на пол и прошла в комнату. Ей было страшно говорить о том, что стряслось в гостинице, но еще страшнее ощущать себя убийцей. На душе лежал тяжелейший камень, и для того, чтобы сбросить его, необходимо было с кем-то поделиться своим горем. Но с кем еще, кроме сестры? С трудом подбирая слова, выдавила из себя:

– Случилось ужасное. Страшное. Я – убийца.

До Ларисы не сразу дошел смысл услышанных слов. В них было нечто неправдоподобное, что в первый миг воспринималось как бредятина, в которую поверить невозможно. К тому же у нее было хорошее настроение, и оно никак не располагало к тому, чтобы Лариса моментально впитала в себя ужасную новость.

Но постепенно ее лицо стало меняться, принимая растерянный вид, пока наконец не замерло с выражением испуганного недоумения. Между тем по глазам Кристины сестра поняла, что переспрашивать ни о чем не следует. Лариса скукожилась, заранее пугаясь того, что еще только должна была услышать.

Преодолевая внутреннюю дрожь, Кристина рассказала о

происшествии. Очень подробно, припоминая всякие детали, показывая синяки на теле, потому что хотела, чтобы Лариса убедилась, что все содеялось случайно:

– Если бы Нарин не ворвался в номер и не попытался изнасиловать меня, ничего подобного не произошло бы, – говорила она. – А теперь вся жизнь моя под откос, поломана, и я не знаю, как быть дальше.

Но и Лариса не знала, что Кристине делать дальше, она ничего не могла посоветовать. Всякий ее совет, думала она, может показаться глупостью и отмазкой. Сжимая пальцы рук, сочувственно глядя на сестру, Лариса молчала и не двигалась с места.

А Кристине сделалось легче оттого, что она выговорилась. Ей нужна была помощь. Лариса могла помочь, спрятав у себя. Ненадолго, хотя бы на сутки, пока сюда не нагрянула полиция. Рано или поздно она сюда доберется. Но до этого надо привести в порядок мозги и сообразить, что делать, успеть найти правильное решение.

Лариса вдруг вспомнила об Октябрине и пролепетала:

– Я позову Октябрину, она обязательно что-нибудь придумает, Октябрина умная, вот увидишь, ее совет будет дельным.

Упоминание об Октябрине вызвало у Кристины отторжение, но сейчас она готова была хвататься за любую соломинку.

Та приехала быстро. Глянула на Кристину неприязненно,

но когда услышала рассказ, глаза Октябрины оттаяли, в них появилось сочувствие. Лариса умоляла придумать, как выпутаться этой истории, но у Октябрины рецептов не оказалось. Ей было жаль Кристину, в таких обстоятельствах могла оказаться любая из них. Но найти выход из положения она не могла. Вопрос был явно не по адресу.

Октябрина молча прохаживалась по комнате, и ее молчание давило. А когда оно уже казалось невыносимым, подруга Ларисы остановилась и каким-то деревянным голосом, какого никто от нее в эту минуту не ждал, отрывисто, как стучит колотушка, произнесла:

– Надо топать в полицию, все равно не миновать.

Лариса испуганно вскрикнула:

– Ее же там посадят!

– Я в тюрьму не хочу! – потерянно, с дрожью в голосе выдала Кристина. – Я же не виновата! Я не хотела.

– На всю жизнь не спрячешься, – холодно отстучала Октябрина.

Ее последняя фраза вызвала у Ларисы полную растерянность.

Кристина сжала зубы. Безысходность железным обручем сдавливала сердце. Она закрыла лицо руками и выскочила в другую комнату. Не хотела, чтобы Октябрина и Лариса видели слезы, брызнувшие из глаз.

Когда чуть успокоилась, уловила разговор между сестрой и ее подругой. Из спальни Ларисы несся убежденный голос

Октябрины:

– Здесь Кристине оставаться нельзя! Она должна пойти в полицию, иначе у тебя из-за нее могут быть неприятности!

– Она моя двоюродная сестра, – раздосадованно отвечала Лариса. – Я не могу выгнать ее на улицу.

– Выгонять не надо, – убеждала подруга. – Нужно вызвать полицию и все!

– Ты предлагаешь мне предать сестру? – удивилась хозяйка квартиры.

– Почему предать? – недовольно втемняшивала Октябрьна. – Помочь, чтобы больше ничего не натворила. Уже одна смерть есть, как знать, что еще может случиться!

– Но ведь это случайность, – противилась Лариса напористости Октябрьны, чья настойчивость неприятно удивляла Кристину.

– Случайно, не случайно, в этом полиция разберется, мы с тобой этого не знаем. Да и не наше дело знать! – не отступала Октябрьна. – Если ты не позвонишь, тогда позвоню я! Пойми, я хочу ей помочь. Другого выхода нет!

Кристина напряглась, нет, что угодно, только не полиция и тюрьма. Оставаться здесь больше нельзя. Тихо поднялась и на цыпочках вышла из комнаты. Голоса продолжали раздаваться, и Октябрьна не очень заботилась, чтобы их разговор был неслышен. Кристина подхватила сумку и выскользнула за дверь. Уходила, не зная куда.

Аспенский и Печаев сидели в кафе.

Перед обедом Константин позвонил Андрею и предложил вместе перекусить. Печаева удивило это предложение, к тому же у него были иные планы, но он подумал и согласился.

Кафе находилось недалеко от работы, сотрудники фирмы часто заглядывали сюда.

У Аспенского был мрачный скучающий вид. Впрочем, это было его обычное состояние. Грубые черты лица не обладали мягкими линиями веселого человека. Облик Печаева резко отличался, но сейчас и на его лице не было улыбок, которые в обычное время почти никогда не сходили с губ.

Константин выкатывал из себя слова, которые давили на Андрея и сгоняли с его лица добродушное выражение:

– Ну, сколько можно, Андрей, мужик ты или не мужик? Стукни хоть раз кулаком по столу, а может, и не только по столу. Ведь Марина гуляет от тебя по-черному! Накинь уздечку да натяни вожжи как следует!

Печаев молчал и смотрел в свою тарелку. Красное лицо наливалось лиловым цветом.

Константин пригласил Андрея специально для этого разговора. С того дня, когда у него сорвалось с Мариной, Аспенский долго думал, как ему повернуть обстоятельства в свою пользу. И решил действовать через ее мужа. Константин

знал, сделать это сложно, но еще знал, что иногда Андрей был способен взрываться так, что эти взрывы сокрушали того, кто являлся их причиной. Хотя Марина умела управлять мужем, все-таки Аспенский решил попробовать, ибо пока не находил другого способа оторвать ее от Печаева.

А если получится, как задумал, то брошенная после этого в свободное плавание Марина непременно начнет искать берег, к которому можно прибиться. И таким берегом станет он, Аспенский. Константин рассчитывал на это.

Он убедил себя, что Марина сможет стать ему хорошей опорой. Прозябать надоело, надо было вновь становиться на ноги. Казалось бы, все так просто и понятно, дело за малым – заполучить Марину. Но это как раз было самым сложным.

Константин смотрел на Андрея и вспоминал слова Марины о доброте Печаева. И думал, как эту доброту вывернуть наизнанку, чтобы у Марины больше не возникало желания возвращаться к Андрею. Он рубил фразы словами:

– Оглянись вокруг, тебя же все клоуном считают, мне уже их шепот поперек глотки стоит. Я не хотел тебе этого говорить. Мне неприятно вести с тобой такую беседу. Но просто все тычут в глаза, открыто трезвонят, называют тебя половой тряпкой. А последний раз, после очередного загула твоей жены, заговорили, что ты превратился в горшок для дерьма. Она же измазала тебя с ног до головы. Скоро тебе в лицо начнут плевать. Закрути ее крепким узлом. Дай ей пинка наконец. Покажи, что ты мужик! Никуда не денется, припол-

зет назад, – и он еще долго рубил фразы, как поленья топором.

Печаеву не нравился этот разговор. Но он думал, наверно, Константин прав, наверно, со стороны виднее. Наверно, он действительно превратился в бабу, позволил Марине вести себя настолько вольно, что у самого темнело в глазах, когда начинал мучительно думать об этом. Но при всем том понимал, что вряд ли способен воздействовать на жену. За многие годы он настолько привык быть под ее каблуком, что от одной мысли взять верх над Мариной у него начинала кружиться голова. Она заправляла всем, он отвык жить без ее подсказки, без ее толчков, насмешек и требований.

Андрей сглотнул слюну. Он все время предполагал, что внезапные исчезновения Марины связаны с любовниками. И не догадывался, что причина не в них. Жена сильно отличалась от Аллы Истровской, не плодила любовников, как та. За последние пять лет все изменились, и Марина тоже изменилась. Ее отлучки чаще были связаны с желанием побыть одной, полностью уйти в себя, забыть о том, что происходило вокруг, набраться новых сил и терпения для продолжения жизни. Такое изредка наблюдалось и раньше, но наглядно участилось и повелось после гибели сына, а за прошедшие годы укоренилось и стало нормой. Однако Печаев не мыслил глубоко и не понимал, что происходило с женой.

Иногда в ее сети попадали мужчины, но это было не так часто и не было самоцелью. Просто от хороших мужиков

грех было отказываться, ибо Андрея давно перестала считать за мужика и думала о нем скорее в среднем роде, нежели в мужском. Марина знала, как воспринимали ее отлучки Андрей и знакомые, но не разубеждала никого, ей даже это нравилось, тешило женское самолюбие.

Печаев слушал Аспенского и все ниже опускал плечи. Слова Константина начинали заплетаться в один большой клубок, который накатывался и давил на Андрея все сильнее. Он заказал графин водки.

Аспенский удовлетворенно свел брови, кажется, ему удалось зацепить мужика за живое. Теперь только раскрутить на всю катушку, заставить действовать.

Печаев налил водку в фужер для сока. До краев. Плеснул Константину в рюмку. И без всякого тоста, один, не дожидаясь Аспенского и не чокаясь с ним, опустошил фужер. Константин ухмыльнулся и выпил из своей рюмки.

Андрей поковырял вилкой салат и снова наполнил фужер. Константин не останавливался. Печаев снова выпил до дна. И почувствовал, как хмель теплом разливается по всему телу, но не пьянит его. Нервное напряжение было настолько высоким, что водка действовала, как простая вода.

Обычно подвыпивший Андрей становился разговорчивым, но на этот раз такого не происходило. Он не раскрыл рта, а неопределенное выражение на его лице ставило Аспенского в тупик. Ведь тот, никогда не любивший жевать мочало, на сей раз так старательно убеждал Печаева, просто «рас-

текся мыслью по древу», что, казалось, Андрей должен был немедленно вскочить и придушить жену. А тут вдруг неопределенность на лице. Печаев вылил в фужер остатки водки из графина, все до капли, даже потряс его, и Константину представилось, что если бы можно было графин выжать, Андрей непременно сделал бы это. Потом он выпил водку и что-то пробормотал. По этому бурчанию Аспенский понял, что Печаев начал хмелеть, что его стало «развозить».

Они вышли из кафе. Из-за неопределенности на лице Андрея Константин не был уверен, что его попытка увенчалась успехом. Похоже, Андрей просто напился, чтобы забыться. Это совсем не устраивало Аспенского. Это был такой же облом, как с Мариной. Неужто последнее время его окончательно покинуло везение? Но это последнее время слишком сильно затянулось, на целых пять лет.

Машина Печаева подъехала к дому. Он вылез из нее и пошел к подъезду. Старался идти ровно, хотя это плохо удавалось. Знал, что выпил много лишнего, но голова работала четко, и чувствовал, что силы еще есть. Помнил слова Аспенского, они задели его за живое, уж слишком унижительными были, заставляли собрать себя в кулак. Нельзя сказать, чтобы он сам не думал об этом, но одно дело – сам думать, а другое – узнать, что думает все окружение. Самолюбие сильно ущемлено. Глупо было бы мнить, что у него нет достоинства.

Бывало и прежде, когда он проглатывал намеки, переводил их на шутку или делал вид, что не замечал. Но сейчас как будто все в нем перевернулось. Постарел, что ли? Его выворачивало наизнанку. Даже хмель не мог с ног свалить.

Андрей вошел в подъезд, поднялся на этаж, стукнул в дверь. Открыла Марина в длинном бирюзовом халате. Удивленно уставилась на мужа. Тот ввалился в квартиру, грубо оттолкнув жену.

– Ты где наакался средь бела дня? – спросила она недовольно, морщась.

– Не твоего ума дело! – огрызнулся Андрей.

– Ну, раз не моего ума, тогда ложись возле двери на коврик и дальше нос не суй, пока не проспшишься, – вспыхнула она и отвернулась.

Печаев схватил жену за плечо, развернул к себе:

– На коврик?! Брезгуешь? А других мужиков пользуешь, не брезгуешь? – Сжал ей плечо.

– Ты чего несешь? Перебрал, и язык развязался? – дернулась она. – Не мели, Емеля! И руки не распускай!

– Это я – Емеля?! – Он пьяно качнулся, пытаясь схватить ее за халат. – Ты людей послушай, что молотят про нас с тобой!

Марина откачнулась, его рука пролетела сверху вниз мимо нее. Посмотрела на мужа с жалостью:

– На то и языки! – сказала. – Я сплетен не слушаю. Это ты, как баба, в рот всем заглядываешь!

– Я – баба?! – Андрей подался вперед и вновь вцепился в ее плечо, причиняя боль. – А ты потаскуха, я тебя задушу! – Его вторая рука легла ей на второе плечо.

Лицо Марины превратилось в холод, глаза вымерзли льдинками, она как бы приняла стойку кобры перед флейтой.

– Задушишь?! – переспросила. – Ну, задуши! – с вызовом выкрикнула и презрительно посмотрела ему в глаза. – Ты вообще-то на что-нибудь способен?! Убери руки, слизняк!

Ее взгляд прожигал Андрея насквозь, этот взгляд делал его ничтожным и беззащитным. Слизняк, конечно слизняк, коли не может справиться со своей женой. Но она ошибается, что он ни на что не способен. Способен, еще как способен. Она должна знать, что он способен, она должна это почувствовать. И он схватил жену за горло и стал душить.

Марина ударила его по лицу, вырываясь. В ответ, неожиданно для нее, Андрей тоже ударил. Невероятно. Сильно ударил, она чуть не упала. Но быстро оправилась и сама кинулась в драку. Ожесточенно, даже не ожидала от себя такой прыти. Началась взаимная потасовка.

Андрей бил и тупо рычал. Она так же хлестала по его щекам, осознавая, что справиться с ним или остановить не может. Наконец оттолкнула и метнулась к выходу. Входная дверь хлопнула перед носом Андрея. Защелкнулась на замок. Пока он спяну возился с нею, Марина сбежала вниз и выскочила из подъезда. В одном халате и домашних тапочках.

Он засопел, остывая и тяжело дыша у распахнутой двери. Покачиваясь, вернулся в квартиру. Ноги стали заплетаться, голова – тяжелеть и падать на грудь. Пошаркал к дивану. Не раздеваясь, бухнулся лицом вниз и мгновенно провалился в сон.

Проснулся под утро следующего дня. Сел, вспоминая, чтостряслось. А вспомнив, ощутил дрожь во всем теле. Как он мог ударить Марину? Что с ним было? Нет, это был не он. Это все водка, водка, будь она проклята. С ним никогда подобного не происходило. Поднять руку на Марину – это немыслимо для него. И вдруг – случилось. Он должен немедленно попросить прощения у жены. Андрей кинулся по комнатам. Марины – нигде. Не у кого просить прощения.

Он ругал себя последними словами, хватался за голову и стонал от бессилия. Что теперь будет? Он унизил Марину, она не простит этого. Она не простит. Она гордая. Это конец. Все, это конец. Она может больше не вернуться.

Его жизнь с Мариной не была безоблачной и сказочной. Хотя человеком он был беззлобным, его добродушный вид со временем превратился в маску. За этой маской он скрывал многое, живя с Мариной. Тем не менее без нее жизнь для него теряет смысл. Без нее он пропадет, без нее он совершенно одинок. Без Марины его жизнь станет походить на жизнь Аспенского, которую тот влачит теперь.

Он вспомнил Константина. Находиться дома было тяжело, сердце рвалось на части. Собрался и поехал к нему.

Своим рассказом Андрей, не подозревая, порадовал Аспенского. Значит, вчерашний разговор, затеянный Константином, все-таки не прошел даром, а он уже не надеялся. Размолвка все же случилась. Можно было потирать руки. Теперь дело за ним. Надо спешить, пока все не вернулось на круги своя. Нужно найти Марину прежде, чем ее отыщет Печаев, хотя Аспенскому не очень верилось, что Андрей пустится на поиски. За многие годы он привык, что Марина всегда возвращалась, поэтому и на сей раз наверняка будет также надеяться, что она вернется сама.

Между тем Аспенский ошибался. Андрей предпринял активные поиски. Объехал всех знакомых, а также побывал всюду, где могла, по его предположениям, хоть на миг появиться Марина. Но все оказалось безуспешно. Марина словно сквозь землю провалилась.

Аспенский усиленно отговаривал Андрея не тратить время попусту, не искать жену, не показывать слабость, дескать, никуда не денется, сама явится. И радовался, что Печаева преследовали неудачи. Сам же в это время тоже рыскал по тем местам, где не побывал Андрей. Однако и его потуги не увенчались удачей.

Оба они, независимо друг от друга, решили, что Марины в городе нет. Ну, а за городом было столько дорог, что искать можно было до посинения. Оба очутились в одинаковом положении. Ничего не оставалось, кроме как ждать, когда и где Марина объявится.

У Истровской был подъем в душе. Пекрасов приводил ее в трепет. И хоть всегда она выбирала мужчин, которые возбуждали ее, но с Дмитрием, ей казалось, она получала нечто новое. По обыкновению, Алла не любила затяжных романов, а с Пекрасовым хотела продолжения. Дмитрий был неутолим так же, как она. И это ей нравилось.

Он мало рассказывал о себе и о своем бизнесе, а если что-то говорил, то очень скупно. Обычная мужская сдержанность, думала Алла. Ей всегда нравилась мужская немногословность, она не любила излишне болтливых мужиков.

Пекрасов сумел быстро расположить к себе. Бесконечно влюбляющаяся женщина, она хотела, чтобы Дмитрий был тем мужчиной, с которым ей долго будет хорошо.

В один из которых он позвонил ей и сообщил, что в город приехал его компаньон, Федор Зибиров, и что есть повод встретиться втроем.

Прямо с работы она отправилась в кафе, где ее ждали. Была в открытом светлом топе, джинсах, босоножках с высоким каблуком.

Алла опытным глазом сразу отметила, что Зибиров внешне мог конкурировать с Пекрасовым. Он был несколько выше Дмитрия. Глаза с улыбкой, взгляд спокойный.

Они вышли из кафе навстречу ей. Оба в светлых рубаш-

ках с коротким рукавом и потертых джинсах. Алла усмехнулась такому сходству в одежде. Пекрасов обнял за плечи и поцеловал ее в щеку:

– Познакомься, Аллочка, это и есть мой компаньон, Федор Зиби́ров, – представил Дмитрий, показывая на того.

– Я так и представлял вас, – произнес Зиби́ров, подавая руку для пожатия. – Дмитрий кроме эпитетов никаких других слов не произносит в ваш адрес.

– Он преувеличивает, – ответила Алла, уверенная, что второй такой женщины, как она, больше не существует.

– Не вижу преувеличения, – пожал ее пальцы Федор. – Вы очень красивая. Повезло моему компаньону. Ему всегда везет больше, чем мне. Но я отобью вас у него, так и знайте. Пусть нос не задирает.

– Вообще-то меня отбить трудно, – заискрились глаза Истровской. – Я сама выбираю.

– Тогда выберите меня, – засмеялся Зиби́ров. – Даю вам слово, не прогадаете!

Дмитрий нарочито отодвинул Федора:

– Аллочка, ты ведь не поддашься на провокацию?

Истровская стремительно подхватила Пекрасова под руку и потянула в кафе:

– Он – твой компаньон, Дмитрий, вот сам и разбирайся с ним, – ответила уклончиво. Богатый опыт отношений с мужчинами приучил ее к тому, чтобы, выбирая одного из них, она не лишала новой возможности ни себя, ни других по-

клонников.

За столиком Зиби́ров откровенно рассматривал ее. Алле это нравилось. Под алчными взглядами мужчин чувствуешь себя не женщиной, которой уже за тридцать, а девчонкой семнадцати лет, когда она впервые узнала мужскую ласку. Безумно хочется всегда оставаться молодой.

Пекрасов начинал нервничать, и это заводило Аллу, он ревновал, значит, боялся потерять. Толкнул компаньона в бок:

– Федя, очнись, ты забыл, зачем приехал сюда!

– С такой женщиной запросто потерять голову, – парировал Зиби́ров. – Я не удивляюсь, что с нею ты тоже забыл, зачем приехал. Как дела с нашим магазином?

– Алла поможет организовать торговлю, – ответил Дми́трий.

– Вы присмотритесь ко мне, Алла, ведь я лучше, – неожиданно проговорил Федор, не отрывая глаз от Истровской. – Я кое-что понимаю в торговле. Дми́трий ни черта не смыслит в этом, ему доверять – гиблое дело, поэтому я и приехал сюда. Решил сам заняться магазином.

– Прекрасно, Федя, – подхватил Пекрасов, – очень хорошо, вот и займись сам. И не беспокой Аллу. Я хочу, чтобы у нее больше оставалось времени для меня.

– Займусь, займусь, – спокойно отозвался Федор. – Но надеюсь, что Алла не откажет мне, если я обращусь за помощью? – Посмотрел на Истровскую. – Дми́трий приобрел не

то, что надо, да еще в плохом месте. Я хочу подыскать что-нибудь получше. Поможете мне? – Не дождавшись ответа от Аллы, повернулся к Пекрасову: – Твои дела в этом городе закончились, Дмитрий. Начинается моя работа, а ты возвращайся назад, делай мебель.

Алла вскинула брови, ей было интересно, что ответит Дмитрий. Пекрасов поднял подбородок с едва уловимой ямочкой на нем:

– Успокойся, Федя. За меня не надо принимать решения, я сам способен делать это. Вижу, тебе понравилась Алла, но ты опоздал, Федя, Аллу я тебе не отдам, как бы ты не изощрялся. – Он напряжился, выпрямил спину и пояснил Истровской: – У нас с Федором один недостаток на двоих. Наши вкусы в отношении женщин сходятся.

– Он умолчал о главном, Алла, – добавил Зибилов. – Нам всегда встречаются женщины, которых устраиваем мы оба.

Истровской показалось, что между компаньонами назревает конфликт. Всегда она бывала не против схваток мужиков за нее, но сейчас не хотела. Ибо Дмитрий уже был допущен к ее телу и вполне ее устраивал, а Федор по внешним данным имел неплохие шансы оказаться в ее постели. Посему возле себя стоило придержать обоих. Но последняя фраза Зибилова насторожила Аллу. Что он имел в виду? Чтобы она принимала в постели сразу двоих? Что это был за намек? И был ли намек? Или она все преувеличивает? Впрочем, как бы там ни было, использовать себя она никому не позволит.

Всегда она использовала мужиков, так будет и дальше.

Она импульсивно дернулась, обжигая Федора огоньками глаз:

– Не надейтесь на это, Федор! На этот раз вам не повезло!

– Ты слышал, Федя, – захохотал Пекрасов. – Гуляй, дружок, по другим дворам!

– Прекратите устраивать разборки. Это не смешно и не интересно, – поморщилась Истровская. – Нашли место. Запомните оба, никогда не сравнивайте меня с другими!

После кафе Зибиоров распрощался с Аллой сдержанно, сел в машину и уехал, а Дмитрий поехал к ней домой.

В эту ночь Пекрасов был в ударе, как бы доказывал Истровской, что лучше него у нее никого не будет.

Когда отдыхали, она сказала:

– Странный у тебя компаньон, Дмитрий.

– Зависть, Аллочка, – отозвался тот и погладил ее тело. – Разве можно не хотеть такую женщину? Он попытается добиться тебя, – в его голосе сквозила убежденность, что именно так будет.

Истровская покривила красивые губы, села. По интонациям голоса Пекрасова Алла почувствовала, тот не очень уверен, что она не клюнет на Зибиорова. Вообще-то, она и сама не была уверена в себе. А ведь еще недавно казалось, что годы изменили ее. Но страсти, страсти, куда от них спрятаться? Сбежать в монастырь? Нет, от себя не сбежишь. И сожалеть

она не станет. Сожаление – удел слабых. Она не из их числа.

Но, тем не менее, иногда у нее возникало ощущение притяжения к постоянству, и это ощущение исподволь тоже становилось страстью. Между тем ни в ком из мужчин, с которыми сближалась, она не находила страсти к постоянству. И вот как будто что-то усмотрела в Дмитриии. Но усмотрела ли?

– Ты так спокойно говоришь об этом, – произнесла с некоторым раздумьем.

– Просто я знаю его, – ответил Пекрасов.

– А если он добьется своего? – вдруг спросила, ожидая реакции Дмитриия.

Тот догадался, зачем Алла задала вопрос, обнял, притиснул к себе и прошептал на ухо:

– Я сделаю так, как захочешь ты. Я хорошо запомнил, что выбираешь всегда ты.

Аллу удовлетворил ответ. Власть над мужчинами была основной ее страстью. Особенно приятно покорять сильного, который отступает только перед ее красотой. Не любила мужиков-рабов. Раб изгибается в три поклона, унижается и попрошайничает. Она не видела в Дмитриии раба, видела покоренного ею.

– Тогда сделай, чтобы Зибилова я больше не лицезрела, – проговорила и вновь прилегла рядом с Пекрасовым.

– Вряд ли это получится, – вздохнул тот. – У нас с ним натянутые отношения. Ты не могла не заметить этого. К тому же мне кажется, он что-то замышляет против меня. У меня

на это нюх. Вернуть бы прежнее время, я б никогда не взял его к себе в компаньоны. Но что случилось, то случилось. Мне всегда приходится держать ухо востро. И тебя он попытается закружить.

– Не думаю, что ему это удастся! – Стройное тело Аллы передернулось.

– Ты его не знаешь, – сказал Дмитрий, и Алла уловила в его голосе нервный сбой.

Она опять села, посмотрела ему в глаза:

– Ты мне сегодня не нравишься, – и заметила, как он попытался изменить выражение лица, помолчала и энергично выплеснула: – Тебе пора идти! – В эту минуту он показался ей слабым, Алла поморщилась. Если он умный, он поймет, что жаловаться на компаньона это не по-мужски. Настоящий мужчина в любых обстоятельствах должен держать руку на пульсе. Сильному не подобает полагаться на Бога. Алле не хотелось, чтобы Дмитрий разочаровал ее. В таком случае все мужчины в ее глазах превратятся в стадо баранов.

Пекрасов собрался и вышел из квартиры. Она выключила свет и легла на спину. Засыпать приходилось одной. Долго ворочалась, то взбивала подушку, то отодвигала ее, пока наконец сон не сморил. Но сон этот не был крепким и продолжительным. Несколько раз просыпалась, чувствуя, как ее телу не хватает мужских рук.

Утром Алла поднялась с трудом. Неудовлетворенная, не выспавшаяся, разъяренная. Под глазами были круги. Все валялось из рук. Долго приводила себя в порядок перед зеркалом. Наконец, справившись с макияжем и прической, надев юбку и блузку, пошла в кухню. Но и тут нудно возилась с приготовлением кофе, потом пила и обжигалась.

Когда подошла к входной двери, была накалена беспредельно. На площадке, закрывая ключом дверь, услышала за спиной голос Зибилова. Удивленно оглянулась. Тот стоял у лифта и лыбился. Все в той же одежде. Алла поморщилась. Какая дурацкая улыбка.

– А я жду вас, – сказал Федор. – Я, конечно, мог бы позвонить в вашу дверь, но я не люблю быть непрошеным гостем. Я привык, что женщины сами приглашают меня к себе.

Она усмехнулась. Подумала, что от нее он этого не дожидается. Сделала вид, что не замечает его. Он понял ее ход и стал сопровождать вниз по лестнице, говоря:

– Вы поразительно красивы, Алла. Всю ночь я думал о вас. Утром захотел непременно увидеть.

Истровская молчала, внимательно краем глаза наблюдая за говорившим Федором. Говорил он неглупо, но Алла поймала себя на мысли, что он повторялся, то есть произносил почти те же слова, что и Пекрасов. Как бы под копирку, но

с небольшими правками. Это было смешно, но, между тем, раздражение от его появления стало мало-помалу улетучиваться.

Она осознавала, что Зибириным могло руководить исключительно соперничество с Пекрасовым. Она в их руках становилась козырной картой, которая била одного из королей. Это ее не устраивало. Уж если быть козырной картой, то такой, которая бьет всех королей, оставляя лишь того, которого сама выбрала для себя. В данном случае Федор был битым королем. Не один пуд соли ему нужно съесть, чтобы попасть в ее постель.

Не отвечая Зибиринову на восторженные слова, Алла села в машину и стремительно отъехала от дома. В зеркало заднего вида заметила, как Федор прыгнул в свою машину и сорвал с места.

Истровская кружила по городским улицам, а машина Зибиринова повторяла те же траектории. Неотвязность Федора возмущала. Алла даже не могла смеяться над этим, ибо все было чрезвычайно глупо.

Наконец гонки надоели, и она остановила автомобиль. Метнулась к притормозившей сзади машине Зибиринова. На лице была ярость, Алла сорвалась на крик. Федор за рулем, опустив стекло, смотрел на нее и кивал, словно соглашался с ее сердитыми возгласами в свой адрес.

Его спокойствие выводило из себя.

Она распахнула дверцу автомобиля и потянулась к замку

зажигания, пытаясь выдернуть ключ и забросить как можно дальше. Уже нащупала, но в этот миг Зиби́ров обхватил ее, развернул лицом к себе. Его губы прижались к ее. Сопротивление не помогло, он был сильнее. Алла прекратила биться, но на поцелуй не ответила. А Федор не отпускал.

Алла отвернула лицо:

– Не надоело? – спросила насмешливо, чувствуя напряжение в теле.

– Вы хотите меня, Алла? – справился он, прикасаясь губами к ее щеке.

– Я хочу, чтобы вы отпустили меня! – упрямо ответила женщина.

– Я не уверен в этом, – сказал Зиби́ров, дыша ей в ухо.

– Придется поверить! – резко выдохнула она, недовольная тем, что мужской запах Федора начинал притягивать ее.

Зиби́ров снова поймал ее губы, и она не сопротивлялась. Каким-то невероятным образом все начинало переворачиваться с ног на голову. Мозг требовал прервать происходящее, а тело просило продолжения. И даже боль от руля, который давил на позвоночник, перестала ощущаться. Неудобное положение, в котором она находилась, не казалось уже столь неудобным.

– Я лучше Дмитрия, вы убедитесь в этом, Алла, – произнес Зиби́ров, оторвавшись от ее губ. – Я всю вас съем! Проглочу!

– Не говорите гоп, – выпалила Алла и разозлилась на себя

за эти слова, как будто она этой фразой приглашала Федора в свою кровать, чтобы сравнить с Дмитрием. И она поправила себя: – Забудьте об этом. Поиграли, и хватит. Не люблю насилия.

– Я тоже не люблю, – усмехнулся Федор. – Но как бы тогда я смог вас поцеловать? – Он расцепил руки и провел левой ладонью по ее бедру. – Вы очень хороши, Алла.

Истровская оттолкнулась от него и выскользнула из салона. Внутри у нее закипело с новой силой. Он был слишком самоуверен, и она в этом невольно почувствовала какую-то игру, будто была игрушкой в руках Федора. Он безапелляционно навязывал ей свои правила, разрушал ее жизненные устои: делать выбор самой. Этого принять было невозможно. Однако ее подводило тело, ему было приятно ощущать на себе руки Зибирова, оно отказывалось подчиняться мозгу, хотело улавливать запах Федора и чувствовать вкус его поцелуя. Алла пылала гневом. Противоречия раздирали женщину, увязли в ней глубоко, раздражая каждую живую клеточку. Глаза вспыхнули, Алла резко бросила:

– Больше не приближайтесь ко мне!

– Когда? – в ответ на ее слова спросил Федор.

– Что когда? – не поняла Истровская.

– Когда вы прогоните Дмитрия? – закончил вопрос Зибиров.

– Никогда! – взвизгнула женщина. – Забудьте!

– Тогда я уничтожу его! – голос Федора хлестанул, как

пощечина. Дверца машины захлопнулась у нее перед носом.

Алла остолбенела. Растерянно смотрела вслед сорвавшемуся с места автомобилю. Почувствовала опасность. Вспомнила недавние слова Пекрасова. Знать, не зря Дмитрий остерегается Федора. Надо же. А она приняла это за слабость Пекрасова. Да и как не ошибиться, ведь внешне все выглядело благопристойно.

Истровская долго еще стояла и смотрела в одну точку, остывая от возбуждения. Лишь придя в себя, глянула на время и быстро направилась к своей машине.

Дежурный администратор гостиницы на ресепшен встретила Зибилова равнодушным взглядом, протянула ключ от номера. Он поднялся на второй этаж. Прошел мимо своего номера и толкнул дверь соседнего. Там, сидя на кровати и листая журнал, его ждал Пекрасов. Отбросив журнал, Дмитрий проговорил:

– Быстро ты вернулся. Я думал, не скоро появишься. Сорвалось, что ли? Не подпустила к телу?

– Кажется, она в тебя серьезно втюрилась, – ответил Зибилов, придвинул стул и уселся возле стола.

– Она не из той породы, – усмехнулся Пекрасов. – Да и времени для этого было недостаточно. Она может увлекаться, но влюбиться, по-моему, не способна, – он пружинисто привстал с кровати. – А потому, пока она увлеклась, тянуть время никак нельзя. По нашей информации ее увлечения недолговечны. Уже вчера она выбросила коленца. Но, возможно, в этом я сам виноват. Переусердствовал, хотел разжалобить. А с нею такой номер не проходит. Постараюсь исправить промашку, но надо торопиться. У тебя есть что рассказать?

– Да, в общем, пока только познакомились, – подытожил Зибилов. – Решительно отказала, хотя, думаю, все-таки мой поцелуй пришелся ей по душе. Губки у нее вкусные. Пустил

в ход угрозы, чтобы ускорить процесс. Пообещал уничтожить тебя. Впрочем, я не сомневаюсь, что смог бы достичь успеха и без угроз, но для этого нужно время. А его-то как раз, как всегда, мало.

Пекрасов, слушая, заложив руки за спину, прошелся по номеру. Пружинистые движения были быстры и без лишней суеты. По выражению глаз ничего нельзя было прочесть.

– Заказчик торопит, – сказал, когда Федор умолк. – Сегодня уже звонил.

– Неужели он думает, что все делается по щучьему велению? – обронил Зибиров недовольно. – Или мы сами не понимаем, что нужно скакать галопом? Он думает, он самый умный, но профессионалы в таких делах мы с тобой, Дима, а не он. – Федор завозился на стуле, ища удобное положение. – Нас учить и подгонять не надо. Не таких раскручивали. И Алла скоро заскулит, как бедный Лазарь. Только перья полетят.

Задача, которую они взялись решить, была проста, как выеденное яйцо. Надо было разорить Истровскую. Методов для этого существовало множество. Они занимались такими делами не раз и хорошо умели подбираться к жертве. Сначала изучали объект, а потом действовали.

Пекрасов по обыкновению выполнял первую часть задачи и справлялся с этим неплохо. Зибиров входил в игру, когда требовались разогрев и раскрутка, чтобы начатое Дмитрием стремительно пошло к завершению. За разорение Истров-

ской заказчик давал хороший куш сверху. Получалось, что им светила двойная выгода. Так что со всех сторон дельце было заманчивым.

Богатая и влюбленная женщина это источник не только любовных утех, но еще доходов. Женщина, теряющая голову, беззащитна, ее можно брать голыми руками вместе со всем, что ей принадлежит.

В город они приехали вдвоем. Когда Пекрасов вышел на охоту, Федор отлеживался в номере, ждал своей очереди. Они хорошо спелись. Никто не главенствовал. Почти не спорили, работали слаженно.

В игре с Истровской ничего не подозревающую Аллу уже крепко насадили на крючок, умело воспользовавшись ее слабостями.

Дмитрий показал на часы, напоминая, что сегодня у Федора встреча с заказчиком. Зибиров после этого поднялся со стула и отправился в свой номер. Сразу пошел под душ. После душа надел рубаху в полоску и серые брюки. Он был любителем, как он говорил, смены декораций. Пекрасов же был более консервативен. С женщинами работали с переменным успехом: иногда больше везло Дмитрию, иногда удача улыбалась Федору, иногда успех делился поровну.

До встречи с заказчиком оставалось достаточно времени. И Зиборов решил завернуть в кафе. Последнее время они все чаще с Пекрасовым стали подумывать о включении в группу красивой девушки. Потому что ковать деньги мож-

но было не только на женщинах, но и на мужиках. Но потрошить карманы мужиков без красотки было невозможно. Уплывали денежки, уплывали, и это печалило.

В кафе Федор уже пару раз присматривался к официантке. Красивая, чертовка, но простовата, без авантюризма в глазах. И он не стал раскручивать этот вариант.

Сел в дальний угол, сделал заказ. Не успел расслабиться, как увидел в дверях новое лицо. Красивое. Его наметанный глаз сразу уловил, что девушка хочет остаться незамеченной. Прежде чем пройти к столику, она напряженно окинула кафе цепким настороженным взглядом. Потом прошмыгнула к столику и села ко всем спиной.

Обычно взгляд Зибирова мгновенно выделял богатых женщин, с каких можно поживиться, а тут явно больших денег за душой не было. Он даже не понял, почему задержал на ней взор.

Стал наблюдать. На протяжении получаса девушка ни разу не оглянулась. Зибиров поел, расплатился, посмотрел на часы, минуту раздумывал, не опоздать бы на встречу, а затем поднялся и шагнул к ее столику.

Спросил разрешения сесть и, не дожидаясь согласия, сел.
– Вижу, вы чем-то взволнованы, девушка, – проговорил, глядя на опущенную голову. – Если вам нужна помощь, я готов оказать ее.

Кристина, а это была она, удивленно вскинула голову и

настороженно посмотрела на Федора:

– Я ничем не взволнована, – грубовато ответила ему. – Мне не нужна твоя помощь. – Она хамила намеренно, чтобы отшить Зибинова.

Но она не знала, с кем имела дело. Только раздражила Федора. Он ухмыльнулся:

– Зачем же так грубо? – спросил и не стал переходить на «ты», как сделала Кристина. – Вы мне понравились, иначе я не предложил бы своих услуг. Ведь я для вас сейчас, возможно, как палочка-выручалочка. – Зибинов говорил давно заученные фразы, которые в большинстве случаев срабатывали безотказно. – Вы не в настроении, у вас на душе кошки скребут. Я не спрашиваю, что у вас произошло, зачем мне знать, но, может быть, именно меня теперь вам не хватает. Мне не надо ничего рассказывать, а вот знакомые будут приставать с расспросами. А ведь вам никому не хочется объяснять и видеть никого не хочется. Значит, именно я сейчас нужен. – Он старался попасть на ее волну и надеялся, что это прокатит.

Но в глазах Кристины интерес к нему не появлялся. Когда же наконец он отвяжется, думала она. Он угадал, она никого не хотела видеть, тем более его, по всему видно, тертого ловеласа. Быстро поставила свое тавро и смотрела враждебно.

Уже много дней прошло, как она покинула квартиру Ларисы Азмайловой и вернулась в город, где родилась. Но проведенные здесь дни не принесли успокоения. Беспокойство

увеличивалось, разрасталось до болей в груди. Но так продолжаться долго не могло. Она разумела, что здесь ее запросто вычислят. Но где спрятаться, не знала. А знала б, непременно убежала бы. Глянула на Зибирова. Зацепиться бы за кого-нибудь, хоть за этого кретина.

Федор мгновенно ухватил изменение в ее настроении. И подбросил новые дровишки в топку, чтобы сильнее разжечь пламя:

– Я в вашем городе новичок, – проговорил, вглядываясь в ее лицо. – Никого здесь не знаю, и меня никто не знает. Со мной вам будет сейчас гораздо комфортнее. Хотите, я вас увезу отсюда? Забудутся все печали. Как будто не бывало! – протянул руку. – Соглашайтесь. Меня зовут Федор, а вас?

Глупец, досадливо подумала Кристина, ее проблемы просто так не разрешить. А впрочем, хотя бы забыть о них на время.

Зибиров выливал на нее нескончаемый поток слов. Он как бы перетягивал канат на свою сторону. Осознавал, что слова сейчас играют главную роль. Кристина слушала, но сопротивлялась:

– Поискал бы ты другую, – сказала резко. – Раз в городе впервые, у тебя много возможностей. Меня от твоего донжуанства воротит. Красиво полощешь уши, только мне осточертели такие песни.

– Я помогу сбежать от себя, – настойчиво произнес Федор, и голос был настолько уверенным, что у Кристины вновь

возникла мысль, а не зацепиться ли за него.

Кристина ела быстро, словно глотала не разжевывая.

Что-то происходило в ее душе. Несколько минут назад она не желала видеть Зибилова, но вдруг шевельнувшаяся надежда подогрела. Слепая, неосознанная. Кристине так захотелось, чтобы нашелся наконец выход из замкнутого круга. Чтобы кто-то подставил ей плечо. Да хоть бы и этот придурок.

А у Федора внезапно промелькнула мысль, что Кристина могла бы стать той девушкой, которой не хватает им с Пекрасовым. Почему бы нет? Красивая, не простушка и загнанная в тупик. Такая с удовольствием станет потрошить карманы мужиков. Его нюх на женщин редко подводил. Но преждевременно радоваться Зибилов не спешил. Все только внешне могло казаться простым. На одной интуиции далеко не уедешь. Девушка, несмотря на все его красноречие, могла попросту отказаться от продолжения знакомства и уж тем более не слушать предложение о совместной работе. К этому следовало подвести осторожно.

Зибилов снова вспомнил о встрече с заказчиком и посмотрел на время. Кристина перехватила взгляд:

– Вот-вот, пришло время топтать отсюда. Детское время кончилось, – проговорила, отодвигая от себя блюдо. – Поищи подружку на ночь на дороге!

Федора действительно поджимало время. Тратить его сейчас на Кристину в ущерб основной работе было глупо. Те-

перь все подчинено одной цели, где попаданием в десятку они с Пекрасовым срывали хороший куш. С другой стороны, упустить сейчас Кристину было тоже неразумно. Как раз в тот момент, когда, несмотря на ее шипы, лед начинал помаленьку плавиться. У него все сильнее возникало ощущение, что эта девушка подойдет для совместной работы. Зибиров был как на иголках. Мысль потекла по кругу. Сорвать встречу или упустить девушку? Что выбрать? Но выход оказался на поверхности: отправить к заказчику Пекрасова.

– Я не спешу, – отозвался он. – Но время – деньги. Я всегда отслеживаю его. Поэтому, с вашего позволения, я позволю. – Он набрал номер Дмитрия и сказал. – Все мои планы на сегодня отменяются. Займись вместо меня.

– Что у тебя там случилось? – удивился Дмитрий.

– Встретил единомышленницу, – отозвался Федор и отключил телефон.

Кристина хмыкнула, шевельнув острым носиком:

– Что, единомышленник, любишь деньги? – Придвинула к себе стакан с соком и подумала, в деньгах все нуждаются, особенно она сейчас. В сумочке их оставалось немного, и надо было думать, как еще заработать.

Зибиров ухватился за ее фразу:

– А разве вы отказались бы от хороших денег?

Кристина вздохнула, в ее обстоятельствах сейчас она не отказалась бы ни от каких денег, даже от тех, которые зарабатывают девушки на панели. Мысль была ужасной, но

как выжить в ее положении, когда приходится прятаться? Со всех сторон тупики. Даже в своей квартире ей больше нельзя оставаться. Отдала ключи соседке, чтобы присматривала, и не знает, как быть дальше.

Федор ждал ответа на свой вопрос. Кристина спросила:

– Хорошие деньги это сколько?

– Хорошие деньги – это большие деньги, – уточнил Зибиров, как бы говоря всем своим видом, что он знает, где их взять.

Появилась интрига. Кристина напряглась. Странный какой-то разговор. С намеками и недосказанностью.

– И за какую работу платят такие деньги? – спросила. – Стоять на панели? Что-то я не видела на дороге девочек с большими деньгами.

– А я и не говорил о путанах. Разве это работа? Это просто выживание. Приобретенный порок. Кому как пофартит. Я веду речь о работе, для которой нужен врожденный талант, – отозвался Федор и уточнил: – особенный врожденный талант. – Он искусно обволакивал Кристину недомолвками, затягивал в них, как в водоворот. – Я чувствую, у вас такой талант есть. И может приносить вам большие деньги.

Девушка внимательно слушала, теряясь в догадках.

Зибиров уже чуял запах победы.

Пекрасов поехал на встречу с заказчиком. Городские улицы скоро закончились, город остался позади.

Через некоторое время автомобиль Дмитрия подъехал к загородному дому Аспенского. В дверях его встретил Константин. По его взгляду Пекрасов понял, что тот ждал Зибирова. Дмитрий успокоил, сообщив, что Федор у Истровской, не смог вырваться, не отпустила. Аспенский обман проглотил. Провел Дмитрия в комнату и показал на кресло у журнального столика. Сам сел во второе. Слушал отчет без улыбки, с жесткими замечаниями, недовольный медленным на его взгляд исполнением заказа:

– Хватит топить Муму. Не надейтесь, что Истровская будет долго улаживать вас. Спешите, пока она не перемолола вас в муку и не выплюнула, как дерьмо. У нее с этим не заржавеет. Берите быка за рога. Иначе останетесь с носом! – Константин смотрел на Пекрасова, не отрывая глаз от его щек. В голосе появился металлический оттенок, тот самый, который всегда был присущ ему, но какого не стало слышно после гибели жены и дочери. Сейчас он снова прорезался. – Мне вас рекомендовали как профессионалов. Смотрите не облажайтесь. Истровская, она безбашенная. Я предупреждал, репутацию потерять можете. – Замолчал на минуту. Смотрел хмуро, сидел неподвижно. Заговорил опять. –

Напоминаю вам схему работы, и чтобы вы от нее никуда не отклонялись. Если вы там себе что-то понапридумывали нового, выбросьте все из головы. Мне не нужна ваша самостоятельность в решении главной, стратегической задачи. Раздолье у вас только в тактике. Здесь уже, как хотите, так и обрабатывайте Истровскую. Итак, основной капитал у Аллы это ее магазин и доля в торговом бизнесе Адаевского и Хавина. Миллионы. – Он взял с журнального столика авторучку, придвинул к себе лист бумаги и написал на нем цифры. – Примерно такая сумма. Ваша задача, чтобы она заложила эти миллионы под кредит банка и чтобы вы затем эти кредитные средства умыкнули. Не забывайте о нашей договоренности, что к этим миллионам вы дополнительно получите от меня существенную прибавку. Сумма немаленькая и вам известная. – Константин повел головой, в уголках губ мелькнула короткая грубая насмешка. Мысль об уничтожении Истровской радовала. – Такова основная задача. А вот теперь внимательно слушай дополнительную. Вы должны сорвать с нее сумму выше ее капитала, пускай она залезет в карман фирмы Адаевского и Хавина. Напрягите мозги, раскрутите маховик на полную, не оставьте ей выбора. – Скулы Аспенского обострились злым выражением. – Ваша роль на этом закончится. А я за это свою прибавку вам увеличу в полтора раза. Согласись, что за такие бабки можно из кожи вылезти. Затем свернете манатки и с кучей бабок растворитесь. Ну, а я посмотрю, как Адаевский и Хавин вышвырнут ее вон, к

разбитому корыту.

Дмитрий не прерывал. Отчасти даже был доволен. Если что-то пойдет не так, всегда можно будет сказать, что план был неудачен, потому что ограничивалась их инициатива. Стал на ноги.

Константина забавляло, что Аллу водили за нос и использовали как самую последнюю девку. И кто – обычные мошенники, прощелыги. Высоко задрала клюв. Слишком. Должна знать свое место. У него под порогом. От этой мысли на душе становилось легче.

Он не стал подниматься из кресла, чтобы проводить Перасова. Удовлетворенно посмотрел ему в спину и долго еще сидел не шевелясь, после того как за Дмитрием захлопнулась дверь.

Через день после смерти Нарина и исчезновения Кристины полиция появилась в офисе Хавина. Все, что он услышал от оперативников, его поразило. Не хотелось верить. Рассказал о встрече с Нариним в ресторане, о давнишних деловых связях с его фирмой. Рассказывал, где и при каких обстоятельствах познакомился с Кристиной. Но, по сути, оказалось, он толком ничего о ней не знал. Только кое-что с ее слов. Так же не знал ничего о Ларисе Азмайловой. Только то, что на эту девушку они наехали автомобилем. Какая-то странная цепочка необычных знакомств. Опытный уже человек, он допустил дикую халатность, свойственную малолеткам. Выглядел перед операми идиотом, какой заводит связи, не спрашивая имен и не запоминая лиц.

Кто же эта Кристина на самом деле? Актрисулька? Хорошо сыграла роль. Он ничего не заподозрил. Может, ее Нарин подставил? Зачем? Никаких конфликтов с ним не было. Что-то ничего не сходится.

Одно очевидно, после него у нее в номере очутился Нарин. А перед этим возле гостиницы поджидал странный тип. Накинулся на них. Кто это был? А если ее любовник? Хотя она объясняла по-другому. Но, может статья, этот тип причастен к убийству Нарина?

Мысли, как пчелы, забивали соты мозга сомнениями.

Павел рассказал об инциденте около гостиницы и дал описания Бориса Килонова. Поверить в то, что Кристина – убийца, не мог, несмотря на труп в номере. Да, она грубовата и замкнута в себе, но это не значит, что способна убить человека. А сбежать могла оттого, что чего-то испугалась. Куда сбежать? Павел разводил руками. Возможно, к Ларисе Азмайловой. А быть может, туда, откуда приехала. Но откуда она, Хавин не знал.

После ухода оперативников он долго не мог успокоиться.

Килонов был обескуражен вопросами появившейся у него полиции. Но больше его огорчила весть об исчезновении Кристины. На этой девушке его заклинило, она засела в мозгах, как заноза. Он понимал, она играла с ним, как кошка с мышью, но в голове от девушки было обширное помутнение, такое состояние называется притяжением.

Что он мог рассказать полиции? Ничего. Сам хотел бы знать, как все произошло и где Кристина. Возможно, Лариса Азмайлова что-нибудь скажет.

Настроение у Килонова испортилось. Он шел по улице, смотрел на людей и не видел их. Солнце било в глаза, но Борис не замечал его. Только когда оказался за рулем автомобиля, встряхнулся, взял себя в руки. Произошло то, что произошло. Девушка оказалась не той, которую он рисовал в своем воображении. Значит, от такой можно всего ожидать. Оглянись, вокруг много красавиц, не стопорись на ней.

Тронул машину с места. Через десять минут остановился у небольшого ресторанчика. Прошел внутрь, не глянув в зеркало и не заметив, что ворот рубахи перекошен, а на туфле болтается шнурок. Подсел за столик к двум ярко одетым девушкам. Они сразу умолкли и уставились на него. Вокруг столько свободных столов, а он нарисовался перед ними. Ждали, что скажет. Но скоро поняли, что ничего не до-

ждутся, он был весь в своих мыслях, и отвернулись.

Борис заказал много алкоголя и мало закуски. Официант быстро обернулся и поставил перед ним графин с водкой и салат. Килонов налил полную рюмку и выпил. Потом налил еще и снова молча выпил.

Девушки переглянулись, одна из них, с рыжей копной волос на голове, произнесла:

– Странные встречаются экземпляры. Приходят в ресторан сами по себе, пьют сами по себе и никогда не угостят девушек. Жмоты!

– Да, жадюги! И как таких земля носит?

Килонов молча плеснул водку из графина в их пустые фужеры для вина и наполнил себе третью рюмку. Поднял ее на уровень глаз, посмотрел на свет, перевел взор на девушек, дожидаясь, когда они возьмут в руки фужеры.

– За что пить будем? – спросила красивая рыжеволосая девушка, она смотрела на Бориса прищурившись.

– А за что будем пить? – повторила вторая, по виду юркая, с красивыми глазами и челкой на лбу.

Но Килонов пил не за что, а потому, что ему было жалко самого себя. Пил, как пьют, чтобы забыться. На душе паршиво, так паршиво, что говорить ни с кем не хочется. Таисия, а это была она, глянула на спутницу:

– Со многими приходилось выпивать, но с немыми не доводилось, – она заразительно засмеялась. – Как думаешь, Клара, немота это достоинство или ошибка природы?

Килонов не стал ждать ответа Клары, ему все было безразлично. Поднес рюмку к губам и опрокинул водку в рот.

– Вообще-то, Клара, в этом ресторане установлен железный порядок, – проговорила Таисия, смотря на свой фужер. – Если посетитель сильно напивается, его выводят охранники на улицу, а дальше ведет кривая. И у каждого своя кривая. Случается, заводит так далеко, что обратной дороги нет.

Борис снова не ответил. Молча допил оставшуюся в графине водку.

Девушки отставили фужеры. Таисия не вытерпела и раздраженно обратилась напрямую:

– Слышишь, ошибка природы, ты что, не только немой, но и глухой? Перед тобой сидят две красивые крали, распинаются, а ты, как бык, уперся рогом в свою рюмку. Скажи хоть что-нибудь. Иначе сгинь с глаз! Заберись под стол и хлещи там сколько влезет. Тоску-кручину заливаешь? Хочешь, утешим? Лучше, чем мы, здесь не найдешь. Меня зовут Таисия, а это Клара, а тебя как мама с папой окрестили?

Килонов широко осклабился и назвал свое имя. Заказал еще водки и снова стал пить. По ходу сказал девушкам несколько комплиментов. Таисия и Клара пригубили из фужеров. И спокойно ждали, когда его язык окончательно заплетется.

Таисия, отмотав срок, вернулась в Москву, подыскала себе напарницу и вместе стали промышлять по ресторанам,

подыскивая клиентов, спаивая, а после обирая до нитки. На сей раз подбираться к клиенту не понадобилось, он сам подсел и сам стал пить до потери пульса. Удача шла в руки без их напряжения.

И это было непривычно. В колонии Таисия знала, что за удачу надо биться, вырывать ее зубами. Тогда вкус победы бывает слаще. Этот тип все портил, не дал почувствовать себя победительницей. Таисию выбивало из равновесия. Ее раздражение росло.

Когда наконец Борис перестал выговаривать слова, сделал несколько бесполезных попыток стать на ноги, не смог достать из кармана деньги, уронил на столешницу голову, отключился, она позвала охранников. Те подняли Килонова под руки, вывели из ресторана.

Таисия и Клара засобирались следом. На улице подхватили Бориса. Нашли в его кармане ключи от машины, по звуку сигнализации определили автомобиль и повели к нему. Умело втолкнули на заднее сиденье. Рядом села Клара, а Таисия прыгнула за руль.

Борис в машине размяк окончательно. Клара вывернула у него все карманы. Вытащила связку ключей, паспорт, права и кошелек, вытряхнула из него все содержимое:

– Не густо, – сказала, пересчитав деньги.

Таисия проверила бардачок. Ничего стоящего не нашла, зло фыркнула:

– Ну и экземпляр, пустой, как воздушный шарик! Даже

не думала, что так проколемся.

Клара развернула паспорт Килонова, прочитала фамилию и адрес. Побренчала ключами.

– Повтори-ка адрес, – попросила Таисия и, когда Клара повторила, произнесла: – Да это же недалеко. Не заглянуть ли к нему в гости? Что думаешь? Наверняка в доме деньжата водятся.

– Мы же по хатам не промышляем, – сказала Клара. – Там может быть жена, дети, да и мало ли кто еще окажется. Опасно.

– Жить вообще опасно, – ухмыльнулась Таисия. – Если напоремся на кого-то, передадим с рук на руки и слиняем. По хатам не шныряли раньше, верно, вот и начнем сейчас шарить. Всему бывает начало. Если вначале подфартит, то и дальше не лягнет копытом, – воскликнула весело и решительно завела машину.

В столичных пробках времени потеряли немного. Остановив машину недалеко от дома, Таисия отправила Клару на разведку. Та проникла в подъезд, нашла квартиру Бориса, прильнула к дверному полотну, прислушалась, не уловила никаких звуков. Вернулась к Таисии, сообщила, что все в норме.

Килонов на сиденье расплылся амебой, ни на что не реагировал.

– Пошли! – сказала Таисия. – Прихвати ключи от хаты, –

и вылезла из салона авто.

В квартире, быстро осмотревшись, она заметила:

– В таком бардаке живут только холостяки, у меня глаз – алмаз. Так что шнырь, не бойся, никто не застучает.

Они перерыли всю квартиру и отыскиали деньги, но больше ничего не взяли.

Выйдя, закрыли дверь на замок, вернулись в машину, отъехали от дома, положили в карманы Бориса кошелек, паспорт, права, ключи, захлопнули дверцы и растворились среди толпы.

Килонов спал в машине до раннего утра. Когда раскрыл глаза, не мог долго сообразить, где находится, как очутился тут и почему сидит на заднем сиденье. Память не смогла толком восстановить девичьи лица из ресторана. Проверил карманы, как будто все на месте. Вылез из машины, прошелся вокруг, хватая открытым ртом свежий воздух, надеясь вспомнить детали вчерашней пьянки. Но в голове была каша.

Дома обнаружил, что кошелек пуст, а позже – что и в квартире пропали деньги. Сразу не поверил. Какое-то время был в оторопи. Пока до него наконец не дошло, что Таисия и Клара обобрали его подчистую.

Борис рассвирепел, решил во что бы то ни стало найти этих сучек, хотя искать в Москве все равно что искать иголку в стоге сена.

Первое, что сделал, поехал в ресторан, где вчера напился.

Но попытка оказалась неудачной. Официанты и охранники не только ничего не говорили о девушках, но и на Бориса смотрели, будто видели его первый раз.

– Я вчера здесь был, – настойчиво твердил он. – Наклюкался до чертиков.

– У нас многие вчера наклюкались, всех не упомнишь, – отвечали ему.

– Да вчера у вас никого здесь не было, кроме меня и этих двух воровок, – возмущался Борис. – Не верю, чтобы не запомнили. Вон за тем столиком.

– Может, и были. Может, и запомнили бы, если бы вы дебош здесь устроили. А если все было цивилизно, зачем запоминать? – твердили в ответ.

Килонов уперся в глухую стену, которую пробить не мог. Ничего не оставалось, как убраться несолоно хлебавши. Охранник и официант с усмешкою посмотрели ему в спину. Борис вышел из ресторана с испорченным настроением. Он не знал, в какую сторону ему податься.

Марина Печаева после ссоры с мужем не злилась на него. Она быстро остыла и пожалела Андрея, ведь он так долго терпел ее выходки. Когда-то должно было из него выплеснуть все, что накопилось. Вот и прорвало. Другой на его месте убил бы или давно бросил ее, а Андрей все сносил, молчал и терзался. Теперь она осознавала, как сильно он изводился.

Но после того как муж поднял на нее руку, вернуться к нему не могла. Знала, что, протрезвев, начнет искать ее и, если найдет, будет униженно просить прощения. Марину тошнило от одной мысли об этом. Житье с Андреем шло по какому-то один раз заведенному кругу, бесконечному, где периодически мелькали одни и те же станции. Одно и то же, одно и то же, одно и то же. Как часовая стрелка крутится вокруг своей оси, указывая через определенные периоды на одни и те же цифры на циферблате.

Только с каждой минутой время сжималось плотнее, оставляя все меньше секунд до полной остановки. Прошла молодость, не сбылись надежды, выросло разочарование жизнью от размеров пуделя до величин слона.

А теперь рушились последние опоры в жизни. Женщина хоть и не считала Андрея крепкой опорой, но все-таки его преданность и собачья привязанность помогали ей жить.

Однако что Бог ни делает, он делает все обдуманно. Андрей поднял на нее руку, значит, больше не мог прощать, стало быть, и ей пришло время многое переосмыслить.

Марина, в одном халате выскочив из квартиры, задумчиво шла по тротуару, не обращая внимания на удивленные взгляды прохожих. Не заметила, как застопорилась у дороги и стала голосовать. Заскрипели тормоза, остановились «Жигули». Высунулся водитель в распахнутой синей рубашке, спросил:

– Едем?

Женщина вздрогнула, отвлеклась от мыслей, изумленно посмотрела на свою поднятую руку и на приятное худощавое, со светлыми бровями лицо парня. За секунду в голове все перевернулось, и она поняла, что готова сейчас уехать куда угодно, хоть на край света, лишь бы не видеть Андрея. Не раздумывая, нырнула в салон автомобиля. Водитель газанул, машина оторвалась от обочины:

– Куда? – спросил через минуту.

– У меня денег нет, – вдруг вспомнила Марина, проведя руками по карманам халата.

– А я не такси. Могу бесплатно подвезти в любое укромное местечко, – весело моргнул водитель и ладонью поправил взъерошенные ветром волосы. – Так куда же?

Ей надо было решить, куда ехать. В те места и к тем знакомым, о которых знал Андрей, тащиться глупо. А нового ничего в голову не приходило. Она пожала плечами.

– Ну и дела, – протянул водитель, – бывает. У вас видок не ахти, как будто по вам катком проехали.

– Проехали, – вздохнула Марина, трогая пальцами лицо.

– А я вас видел раньше. Но тогда на лице синяков не было, – проговорил он, помолчал и представился. – Меня Пашкой зовут. Пашка Брылов.

Он больше ни о чем не спрашивал, не совал нос в ее дела, и Марине это понравилось. Только после непродолжительного молчания заметил, что все скоро заживет.

– Где же ты меня видел, Пашка Брылов? – спросила она, сразу обращаясь к нему на «ты».

Пашка вздохнул, он мог бы сказать, как первый раз увидел ее пять лет назад на похоронах, но не стал упоминать о мрачном событии, потому ответил, что раньше сталкивался с нею в городе. Притормозил на светофоре:

– А все-таки куда рулить?

– Куда угодно, Пашка, – пожалала она плечами. – У меня сегодня нет конечной остановки. Как видишь, ни денег, ни пристанища, – и легко улыбнулась, словно сбросила с плеч тяжелый груз.

– Ну и дела, – снова протянул Пашка. – В таком случае покатаемся?

– А почему бы нет? – согласилась Марина. – Покатаемся!

На улице было жарко, стекла в авто приспущены, ветер врывался в салон и трепал им волосы. Марина засмеялась, просто так, и на лице появилось обычное добродушное выра-

жение. Рядом с молодым парнем ей вдруг захотелось, чтобы вернулась ее молодость, забила ключом, как когда-то. Пашка тоже улыбался. Она спросила:

– Откуда ты, Пашка, свалился на мою голову?

– Ехал мимо, – ответил парень. – Это вы, скорее, свалились, как снег среди лета! – воскликнул. – Вдруг увидел и обалдел! – Пашка провел ладонью по шее. – Может, я неправильно сделал?

– Правильно, Пашка, все правильно ты сделал, – похвалила Марина. – А почему обалдел? – Она глянула в лобовое стекло, дорога убегала под колеса автомобиля.

– Так от вас обалдел, – сконфузился парень, – вы вся такая, – он не договорил, у него не нашлось нужных слов.

– Какая? – спросила женщина и ответила: – С синяками. Ладно, забудем. Расскажи-ка о себе.

– А что о себе рассказывать? – замялся Пашка. – Живу, как в сказке: гол, как сокол, один, как перст, много хочу, но мало получаю. – Краем глаза он следил за Мариной, видел, как под халатом играли округлые формы ее тела.

Автомобиль выехал за город и помчался по асфальтовой дороге, как самолет по взлетной полосе. Оставалось только распустить крылья и взлететь. Но крыльев не было, а стало быть, и взлететь было невозможно.

Марина усмехнулась Пашкиному определению собственной сказочной жизни:

– А что так-то? – подняла брови. – Не везет тебе или сам

везти не можешь?

– Да все одно к одному! В полоску, – покривился парень. – То я не везу, то мне не везет. Три раза был женат. За последние пять лет дважды вляпался. Мордой не вышел.

Женщина посмотрела с любопытством:

– С мордой у тебя все в порядке, Пашка.

– Правда? – оживился он. – Тогда по другим характеристикам не подошел. Хотя старался, как мог, – растянул губы в грустной улыбке. – А может, женщины не для меня были. Искал особенных, а находил заурядных. Все потому, что сам примитивный, – поморщился. – Особенности меня стороной обходили. – Мельком глянул в глаза Марине и тыльной стороной ладони вытер пот со лба.

– С особенными жить непросто, Пашка, – женщина вздохом подняла грудь. Было непонятно, считала ли она себя особенной либо вспомнила о ком-то, кого сама считала особенным.

– С заурядными еще хуже! – уверенно отрубил парень и повернул лицо к Марине. – Вас как зовут?

Марина показала вперед и посоветовала:

– Лучше за дорогой следи, а не на меня глазей, – шутливо засмеялась, – Я для тебя старовата.

Пашка принял шутку Марины и тоже отшутился:

– Настоящая женщина стареет только в девяносто, да и то потому, что начинает много философствовать о жизни. Но ведь вам еще нет девяносто.

Марина оценила его изворотливость:

– Мое имя Марина.

– А по отчеству? – спросил парень.

– Просто Марина. И не «выкай» мне больше. А то я начинаю чувствовать, что мне уже девяносто.

Пашке было непросто так сразу перейти на «ты», но постепенно, пока они катались по дорогам, он перестроился и почувствовал себя уверенно. Говорили дружески обо всем, что приходило в голову. Возвратились в город поздно вечером с зажженными фарами. Марина попросила одолжить ей немного денег и отвезти в гостиницу. Но Пашка отрицательно закрутил головой:

– Зачем с синяками на лице по гостиницам светиться? Не советую. Для кафе и ресторанов тоже вид не соответствует. А животы от голода подвело. Поедем, Марина, ко мне. Холодильник перетряхнем, кое-чего наковыряем.

Женщина минуту подумала и согласилась. Возможно, это был самый подходящий вариант. В гостинице Андрей мог ее найти, а у Пашки не найдет никогда. У нее будет достаточно времени собраться с мыслями и подумать о своем житье-бытье. Только спросила:

– А место будет, где спать? – Она помнила, как он говорил, что все, что имел, раздал своим женам, а сам остался с голыми стенами в маленькой однокомнатной квартирке, в которой повернуться негде.

– Для тебя найдется, – отозвался Пашка. – А я на раскла-

душке покручусь.

Марина лежала на Пашкиной кровати и не могла заснуть. День был насыщен событиями, они прокручивались в голове и будоражили. Разве могла она еще утром представить себе, что вечером ляжет спать в чужой квартире, о которой ни сном, ни духом не ведала. С нею ли это происходит? Пашка как будто неплохой парень. Ломает его жизнь помаленьку, но он не унывает. Молодец. Смотрит на все без злости, без камня за пазухой.

Последние пять лет ей было трудно сохранять равновесие. Желание отомстить Хавину разъедало душу. Держалась, как могла. И только встреча с Павлом помогла сбросить это ярмо с себя. Стало легче дышать, но было грустно из-за расставания. Причуды судьбы. Их не избежать, они окружают ее.

Даже сейчас она лежала на кровати парня с таким же именем. Пашка. Ведь Хавина в молодости, наверно, тоже звали Пашкой. Она взволнованно заворочалась, и кровать под нею заскрипела.

Одновременно ей в голову лезли мысли об Андрее. Она гнала их прочь, но они донимали. Было противно переваривать произошедшее. И Марина пыталась отвлечь себя. Что она станет делать, когда сойдут синяки и ссадины? Вернуться к мужу, унизившему ее, означало бы самой еще больше унижить себя. В этой квартирке повернуться негде, но уж лучше задержаться в такой птичьей клетке, чем дать повод

мужу когда-нибудь снова поднять на нее руку.

Комната была маленькой. Кровать, шкаф, стол и стул. Парень с трудом разместил у окна раскладушку. Через открытую форточку с улицы доносился шум машин. Маринаглянула в окно на высокое звездное небо. Что там на звездах? Такая же суета сует, как на земле, или все чинно и благополучно? Знать бы.

Женщина накрылась пододеяльником. Но было душно и хотелось раскрыться. Однако не смущать же молодого человека своим голым телом. Впрочем, она всегда отметала условности, как обыкновенные комплексы. Зачем же теперь изменять себе? Марина откинула покрывало. Стало прохладнее и свободнее.

Пашка мылся под душем, и было слышно, как он фыркал и пыхтел. Женщина представила его голым и усмехнулась. Потом закрыла глаза. Спать, спать, надо выспаться после сегодняшней чехарды. Пашка молод для нее, молод. Но разве она стара? Марина резко открыла глаза. Ну уж нет. Старить себя мыслями – последнее дело. Пошутить на эту тему можно, но не более того.

Она провела руками по своему телу, чуть полноватому, но красивому, вспомнила, что ее тело нравилось Хавину, и улыбнулась сама себе. Ну что, Пашка, посмотрим, кто молоде! Хватит ли у тебя силенок справиться со мной? Марина раскинулась и тут же придержала разгулявшиеся мысли. Тихо, тихо, не очень-то возбуждайся. А то недалеко уйдешь от

Истровской. Не теряй мозгов.

Она легла на бок, заставляя думать себя о сне. Но мысли возвращали ее к парню. Женщина снова легла на спину, чувствуя, как низ живота охватывает жаром. Погладила рукой и сделала глубокий вдох.

Пашка вышел из ванной комнаты и протопал в кухню. Шумно попил воды. И топтался, топтался, топтался бесконечно по кухне, пока Марина не окликнула его. Он вошел в комнату. Женщина протянула руку:

– Ты чего там маешься? – сказала спокойным притягивающим голосом. – Ложись рядом.

Парень видел ее обнаженную грудь, живот, ноги. Кровь ударила в голову.

Утром Пашка отправился на работу, Марина осталась одна. Пашка в постели оказался неплохим партнером, однако быть хорошим не значило быть лучшим. Он все же не дотягивал до своего тезки, хоть был и моложе.

Женщина не могла сказать, что Пашка не устроил ее, но и не считала, что получила, что хотела. Не тот дух, не тот интеллект, не совсем желаемые ощущения. После Хавина долго остывала, после Пашки все было обыденно. Он годился ей на злобу дня. Наверно, слишком привередливо сравнивала. Да, не всякий Пашка может быть Павлом, впрочем, как и Павел не станет Пашкой.

Она еще нежилась в постели, когда парень внезапно воз-

вратился. Поставил в кухне пакеты с продуктами, положил на стол аптечные мази для синяков и ссадин. Заглянул на секунду в комнату, воскликнул:

– Ты особенная, Марина. Ты особенная. – Круто развернулся и был таков.

Она понимала, что была особенной для Пашки, но ей хотелось быть особенной для Павла. Ее не покидало ощущение, что до Хавина она не дотягивала, как будто чего-то в ней не хватало. Интеллигентности, интеллекта, женского очарования? Не могла ухватить, чего именно.

После второго ухода Пашки Марина поднялась с кровати, набрала в ванну воды и долго сидела, разомлев. Намыливалась и старательно смывала мыло, как бы хотела смыть с себя прикосновения парня, непохожие на прикосновения Хавина. И странно, но ни разу не вспомнила об Андрее, словно тот перестал существовать. Неужели не осталось никаких чувств, неужто он все отбил?

Помывшись, Марина нашла в шкафу Пашкину рубашку, накинула себе на плечи. Разобрала в кухне продукты, приготовила кофе и позавтракала. От нечего делать убралась в квартире, потом нашла какую-то книжку и раскрыла. Всегда, когда читала про чужую любовь, было чувство, что заглядывала в замочную скважину. Возможно, оттого, что своей настоящей любви не было.

Сейчас она чувствовала необычную тягу к Хавину, точно проснулась после длительной дремы. Эта тяга как бы тлела в

ней все эти годы, но гасилась желанием отомстить за смерть сына, и вспыхнула теперь после новой встречи с Павлом. Как назвать это тяготение?

Время, проведенное с Хавиным, было мизерным, но это был сильный угар. Хотелось задохнуться в таком угаре. К тому же ей почудилось, что и Павла охватил тот же угар.

Марина смотрела в книгу, буквы перед глазами прыгали и исчезали, она встряхивала головой и опять начинала вчитываться в строки.

Так прошел день. Вечером вернулся Пашка, и повторилась ночь, которая стала похожей на предыдущую. Только теперь он шептал:

– Ты особенная, ты особенная.

– Таких, как я, много, – отвечала Марина.

– Ты красивая, – раздавалось возле ее уха.

– И красивых много, – говорила женщина.

– Я даже не мечтал о тебе. Даже подумать не мог, – признавался Пашка.

– Это плохо, – откликнулась она. – Мечтать надо, иначе не повезет в жизни.

– Но сейчас мне повезло, – лепетал парень.

– Просто непредвиденные обстоятельства, – отзывалась Марина. – Случайность.

– Еще какие непредвиденные, – соглашался Пашка.

Женщине льстило, что ею увлекся парень намного моложе ее. Значит, она на что-то еще способна. Рано отодвигать себя

на второй план.

Проходили сутки за сутками, они повторялись по одному сценарию, и этот сценарий начинал надоедать. Хотелось вырваться на улицу, на солнце. Марина не находила себе покоя. По несколько раз в день нетерпеливо смотрела в зеркало, нервничая от вида синяков и ссадин и с раздражением вспоминая Андрея. А впрочем, раздражение медленно проходило вместе с синяками.

За это время она многое передумала, много вспоминала о Хавине, и у нее вызрело решение снова поехать к Павлу. Марина не хотела думать, получится ли из этого что-нибудь, как встретит ее Хавин, захочет ли оставить. Она сама не знала, захочет ли остаться у Павла. Но желание поехать к нему увеличивалось с каждым днем.

Когда лицо стало чистым, Марина почувствовала себя уставшей от Пашки. Но она была благодарна парню, ибо он оказался рядом в трудный момент, впрочем, она с лихвой заплатила за это. Попросила свозить ее в соседний город, заняла у него денег, купила джинсы, кофту и туфли.

Ранним утром следующего дня собралась и сказала:

– Прощай, Пашка, не поминай лихом.

– Хотя бы иногда я смогу тебя видеть? – спросил он со слабой надеждой в голосе.

– Сомневаюсь, Пашка, – сказала Марина. – Я уезжаю из города.

Пашка больше ни о чем не спросил. Только выложил пе-

ред нею все содержимое своего кошелька:

– Тебе нужны будут деньги, – сказал. – Я буду скучать.

– Ты славный парень, Пашка, – женщина поцеловала его в щеку. – Ты еще найдешь себе хорошую подругу.

– Вряд ли, – пожал плечами он. – Особенным я не нужен, а заурядные мне ни к чему.

– Подвезешь меня до автовокзала? – спросила.

– Не вопрос, – отозвался парень, смотря во все глаза на Марину, как бы желая навсегда запечатлеть ее лицо в своей памяти. – Ты все-таки особенная. Поразительная женщина. Можно я тебя поцелую?

– Можно, Пашка, последний раз, – улыбнулась она.

Пашка осторожно обнял и поцеловал ее в губы. Женщина ответила тем же, догадываясь, как важен для него этот поцелуй. Возможно, парень прощался со своей мечтой, осознав, что именно такую женщину он всегда хотел видеть рядом с собой. Возможно, сейчас он понял, что больше никогда не встретит подобную женщину. А возможно, вспоминал с тоской всю свою прошлую жизнь.

На автовокзале он посадил Марину в такси и грустно произнес:

– Удачи тебе.

– И тебе, – протянула ему руку.

– Я буду помнить тебя, – сказал он, задерживая ее ладонь в своей.

– Не надо, Пашка, – проговорила она, вынимая руку из его

пальцев. – Все ни к чему. Это был сон. Просыпайся и живи дальше. Солнце продолжает тебе светить.

Пашка стоял и смотрел, как такси выехало на дорогу и скоро скрылось из виду. Марина не оглядывалась назад, она расставалась со своим прошлым. Хватит цепляться за него. Вперед, туда, где был Хавин.

В Москве женщина с телефона таксиста позвонила Павлу. Он ответил. У Марины захватило дух, но, набрав воздуха, она произнесла:

– Павел, здравствуйте. Я приехала.

Хавин сразу узнал ее голос. В памяти все всколыхнулось, и другое отступило на задний план.

– Я приехала, – повторила женщина, щеки стали гореть, точно она вернулась в свою молодость. Но почему вернулась? Она по-прежнему была молодой, и это подтвердил ошалевший Пашка. – Не прогоните? – спросила после короткой заминки и по тону Хавина почувствовала – не прогонит.

– Где вы? Я еду, – сказал Павел.

– Где и прошлый раз, – отозвалась она.

– Ждите.

Марина возвратила телефон таксисту, рассчиталась и вылезла из авто. Ощущение свободы переполняло ее. Все, она отсекала прошлое, все, больше не увидит Андрея и другие давно опостылевшие лица, ей было никого не жалко и не жалко все бросить. Может быть, когда-то потом она пожалеет об этом, но сейчас была радость, и ничто не могло омрачить ее.

Целых пять лет она ждала. Ненавидела и ждала. Хотела уничтожить и ждала. Невероятно. Даже себе самой она нико-

гда не признавалась в этом. Но, наверно, должны были пройти эти пять лет, чтобы наступило сегодня, чтобы вот так дрожало ее сердце и она не чувствовала под собой ног.

Москва встретила солнечным жаром и веселыми людскими лицами.

Машина Павла подъехала быстро. Хавин выскочил из салона. Марина прижалась к нему. Как же сильно она хотела ощутить его тело, его запах, услышать голос.

– Я приехала, Павел, – произнесла шепотом.

У Хавина за последние дни произошло много волнующих событий, но голос Марины по телефону в один миг отбросил их вон. Сейчас, обнимая ее, он испытал успокоение, какого не было все последние дни. Потом посадил женщину в машину, желая, чтобы это был новый этап в его жизни и конец метаниям.

– Не знаю, права ли я, – проговорила Марина. – Но я не могла не приехать. Я все бросила, Павел, и всех. Мне душно и тесно находиться там, где нет вас. Я не скрываю этого, как бы вы все не воспринимали. Я не юная девочка, чтобы жеманничать и произносить слова, которые для меня ничего не значат. Но я достаточно молода и умею любить. И не стыжусь этого. Сколько можно стыдиться, Павел? Душа не может быть всегда запертой, как в клетке, ей нужен выход. Птицы умирают в клетках, души так же гибнут, как птицы. Мы уже взрослые люди, Павел. – Марина взяла Хавина за руку и посмотрела ему в лицо.

– Я рад, что снова вас вижу, – сказал он и погладил ее руку.

– Я больше не уеду, – порывисто выдохнула женщина. – Я буду любить вас так, как никого не любила. И хочу, чтобы чувства были обоюдными. Плохо, когда один любит, а другой просто принимает любовь. Ничего хорошего из этого не получается. Вы разбудили мою страсть, рядом с вами в прошлый раз я почувствовала себя собственницей. Я не хотела, чтобы к вам прикасались руки других женщин, и желала, чтобы ваши руки гладили только меня. Я вдруг сделалась жадной, физически это ощущала, потому испугалась и уехала. Я думала, все пройдет, однако не прошло. Возможно, я не должна сейчас этого говорить, но я хочу, чтобы с первого дня между нами было все открыто, чтобы была полная ясность в отношениях, – глаза Марины светились счастьем.

Павлу отрадно было это слышать, но глубоко в душе он боялся обмануть чувства и надежды Марины. Не хотел. Долго ли все продлится? Он всегда не умел уловить тот момент, когда женщину рядом с собой начинал терять. Это беспокоило его. Хавин не желал, чтобы так же произошло и с Мариной.

– Мне тоже важны честные отношения, – выговорил и попросил: – Прошу вас, как только вы разлюбите меня, сразу же скажите об этом.

– Надеюсь, этого не случится, – ответила женщина.

– Все так неожиданно, – улыбнулся Павел. – Но мне нравится такая неожиданность. В жизни каждого человека на-

ступает время, когда нужно что-то поменять, может быть, даже собственные устои. Ваш прошлый приезд оживил мой дом, все будто поменялось, а после вашего отъезда жилье снова превратилось в место обитания. Я хочу, чтобы дом снова стал домом, а не местом обитания.

– Тогда почему же мы до сих пор не перешли на «ты»? – спросила Марина.

Они посмотрели друг другу в глаза и обнялись.

День пролетел мгновенно. За ним точно так же промчался второй, третий и еще несколько дней подряд. У Марины полностью выветрились из головы воспоминания об Андрее, а Хавин забыл о работе, даже на телефонные звонки не реагировал сразу. В их душах установилось умиротворение.

Только женщина способна привнести такой покой в жизнь мужчины, женщина, жертвующая собой. В этом ее призвание, особенный дух и особенный мир.

Не просто женщине бросить то, над чем она, как наседка, вкочтала многие годы, из чего пыталась слепить свое ни на что не похожее гнездышко, вкладывая в него душу и силы. Марина оказалась способной на такой шаг. И Хавин понимал ее жертву.

Но вскоре суета сует вернулась в его жизнь, работа не могла долго ждать. А Марина окунулась в московские улицы и проспекты. Однако отсутствие полезного дела быстро утомило, хождения по магазинам, музеям и салона красоты надо-

ело. Даже то, что Павел старался как можно больше времени проводить возле нее, не успокаивало женщину. И он предложил ей место экономиста в своей фирме. С этого дня дух ее снова воспрянул, и Марина похорошела настолько, что Павел мог бы ревновать, если бы был ревнивцем.

В один из дней он неожиданно спросил:

– А когда ты думаешь завершить проблему с мужем? Ему известно, где и с кем ты?

Вопрос о муже напряжинил женщину. Все это уже казалось Марине таким далеким и нереальным, что вспоминать историю с Андреем не хотелось. Она улыбнулась. Но такая неопределенность не нравилась Хавину. Он считал, пока Марина окончательно не разорвала с Андреем, их отношения не могут крепко стать на ноги. Надавил на нее:

– Не находишь ли ты, что должна сообщить ему, что бесповоротно ушла ко мне?

Марина безразлично пожала плечами:

– Ты думаешь, я оставила себе путь для отступления? Нет, к прошлому возврата не будет, я разрушила все мосты, я забыла об Андрее. Понимаешь, его для меня больше нет. Но раз ты настаиваешь, я обязательно позвоню ему. Ты люби меня, Павел, такой, какая я есть, какую меня создала природа, – она посмотрела в карие глаза Павла испытующе. – Ты будешь любить? – прижалась к нему.

Хавин обнял ее:

– Я не хотел бы потерять тебя.

Женщина притихла. И долго не отстранялась от него.

Она еще не ощущала себя хозяйкой в его доме, но хотела быть ею. Начинала вживаться в новую роль. Ей нравилась эта роль, а Павлу нравилась она в этой роли.

После разговора прошло несколько дней, но Марина так и не позвонила Андрею. И не потому, что женщина не решилась, ей просто было жалко мужа. Как бы она к нему сейчас не относилась, она прожила с ним довольно долгий период своей жизни. И хоть она никогда не была за ним, как за каменной стеной, скорее, такой каменной стеной всегда являлась сама, все-таки она отдавала должное его терпению и пониманию. Он любил ее, несмотря ни на что. Да, она ушла от него. И он сам виноват в этом. Но, оставив мужа, Марина не могла добивать его. Понимала, само собой это не разрешится, а значит, надо без спешки обдумать, как выполнить просьбу Павла и одновременно не быть жестокой с Андреем. Это нелегко, и с кондачка такое не делается.

Итак, неопределенность продолжала тянуться, а Павел ждал.

Вернувшись в гостиницу после встречи с Аспенским, Пекрасов не нашел там Зибилова. Переоделся в футболку и легкое трико, стал ждать. Но ждать пришлось недолго, скоро в окно увидел заехавшую на парковочную площадку машину Федора. Из пассажирской двери выпорхнула чернявая длинноволосая девушка. Зибилов закружился вокруг нее. Что бы все это значило, что за ненужный флирт? Ведь у них сейчас главный объект – Истровская, подумал Дмитрий. Зачем отвлекаться на другие смазливые мордашки? Захотел сделать Федору втык, но тот, появившись в дверях номера, опередил:

– Я, кажется, нашел что надо, поздравь меня! Такую, какую мы долго присматривали с тобой. Подходит со всех точек зрения. Нужно только поработать с нею. У нее сейчас явно какие-то неприятности, она определенно от кого-то скрывается. И это нам на руку. Нюхом чую, это наша девочка. Мой намек ее не отпугнул, а как будто пришелся по душе. Приглядишься к ней.

– И где же она? Куда подевалась? – спросил Дмитрий. – Я видел, она приехала с тобой.

– Уговорил. Знал бы ты, как мне это далось. Устроил ей номер этажом ниже, – пояснил Зибилов. – Представляешь, у нее нет денег на гостиницу, и с паспортом какие-то непонятки. Короче, не показала. Пришлось проявить джентльмен-

ство, оформишь номер на себя и за наш счет.

– Надеюсь, ты с нею не переспал? – уточнил на всякий случай Пекрасов. – Сам понимаешь, между компаньонами никакой игры в любовь быть не должно, только игра в деньги.

– Остынь, – скривился Федор, проходя вглубь номера. – Какая любовь? Эта девочка сольется с нами другим местом: головой. Все остальное у нее останется для клиентов. Но к этому ее еще надо будет подготовить. – Он пододвинул стул и сел. – Рассказывай, что заказчик наговорил тебе?

Пекрасов рассказал о переговорах с Аспенским. Зибиров удовлетворенно подпрыгнул на стуле, забарабанил пальцами по крышке стола:

– Видать, Истровская нашему заказчику чем-то изрядно насолила, раз он повышает градус раскрутки и готов пойти на увеличенные расходы. Для нас это очень хорошо. Просто находка. По всему видно, он тоже игрок и неплохой авантюрист. В таком случае начнем закручивать.

Поздним вечером того же дня Пекрасов, приодевшись в белую наглаженную рубашку и наглаженные светлые брюки, поехал к Истровской. Алла прыгнула к нему в машину и сразу обратила внимание на озабоченный вид Дмитрия. Решила, причина в том, что утром она выставила его за дверь, и теперь Дмитрий как бы ни в своей тарелке. Прижалась к нему:

– Расслабься. Забудь про утро. Простая бабья блажь! Я дурею от тебя! Хочу тебя немедленно! Прямо здесь, в машине! – Ее руки расстегнули пуговицы и проникали ему под

рубаху. Но он не был активен, как всегда, и она недовольно взвизгнула. – Да что с тобой, не надуй губы, мне это не нравится!

– Причина не в тебе, Алла, – как бы нехотя пояснил Пекрасов, чувствуя ее пальцы у себя на животе. – Мы поцапались с Зибировым.

– И что с того? – пожала она плечами. – Подумаешь невидаль какая. Все цапаются. Без этого жить не вкусно.

– Да все как-то беспричинно, – хмурился Пекрасов, ломая комедию. – Он целый день наэлектризованный, злой и агрессивный, как будто я наступил ему на больную мозоль. Угрожал мне. Seriously угрожал. Тут, знаешь, шутками не пахнет.

Алла насторожилась, и Дмитрий уловил, как она напряглась, а руки на его теле замерли. Потом отстранилась, глаза сверкнули:

– Я знаю, что с ним, – импульсивно дернулась. – Я – причина раздора. Твой компаньон захотел забраться в мою постель. – И она рассказала об его утреннем визите, затем поинтересовалась: – Он опасен?

Пекрасов ответил не сразу, словно раздумывал, следует ли говорить:

– Очень. У него нет тормозов. Он способен на все! К тому же у него есть рычаги.

– Какие? – вскинула брови Истровская.

Дмитрий остановил дыхание, как бы преодолевал внут-

реннее сопротивление, прежде чем начать:

– Однажды я настоял на крупной сделке, в которую Зибиров не верил и не хотел соглашаться со мной. Но уступил при одном условии: в случае провала сделки он в любое время истребует у меня мою долю в бизнесе. Я сделал глупость, подписал такой договор. – Пекрасов помолчал, глубоко с сожалением вздохнул. – Я верил в успех дела. И ошибся. Сделка оказалась провальной, мы потеряли много денег. – Дмитрий снова вздохнул, лицо его вытянулось, и на щеках появилась бледность. – Выправили положение благодаря изворотливости Зибирова. Теперь он намерен забрать мою долю. Иначе говоря, полностью меня разорить.

Коготки Истровской больно обжигали кожу Дмитрия, но он будто не замечал этого. Алла пытливо заглядывала ему в глаза, как в душу, точно хотела выудить его сокровенные мысли. Дмитрий с трудом выдерживая этот взгляд, не на шутку опасаясь, что она уловит игру. Однако все обошлось, он переиграл ее.

– Зибиров помешан на двух вещах в жизни, – продолжил, – это деньги и женщины. Женщину он может променять только на деньги, а вот деньги никогда не променяет на женщину. Так он устроен.

Алла усмехнулась:

– Так устроены все мужики! А ты разве другой? – Ее ногти снова царапнули его кожу.

Дмитрий на минуту замешкался. А Истровская ждала от-

вета. Наконец он нашелся:

– Я никогда не предаю тех, кого люблю.

Алла отстранилась, посмотрела сквозь лобовое стекло:

– Тогда чего мы стоим? Едем ко мне. Там и подумаем.

Пекрасов завел машину. Он не мог понять, как она восприняла его информацию, но надеялся, что зацепил ее страхом перед Зибириным. И оказался прав. Среди ночи, после долгих занятий любовью, она откинулась на подушку, заявила:

– Ничего у твоего компаньона не получится! Я не отдам тебя на съедение!

– А я тебя не отдам ему, – в унисон ей прожужжал на ухо Пекрасов.

На другое утро, расставшись с Истринской, Пекрасов вернулся в гостиницу. Зибиринов, уже полностью собранный, встретил его в коридоре и по глазам понял, что все прошло удачно. Предложил:

– Давай-ка спустимся ниже, посмотришь на Кристину, оценишь, стоит ли возиться с нею дальше.

Пекрасов неохотно развернулся:

– Что за спешка? Мне бы отоспаться сейчас. Алла всю ночь была неугомонной. Или у тебя какие-то сомнения с этой девицей? – спросил, запуская руки в карманы.

– Сомнений нет, но мы должны сообща принять решение, – поправил воротник салатовой рубашки Зибиринов. – Все-

таки не на ночь выбираем, а для совместной работы. Не хочу зря терять время, – уточнил, подталкивая Дмитрия к выходу на лестничную площадку. – Она уже проснулась, вернее, я разбудил ее. Предупредил, что зайду к ней с компаньоном.

Пекрасов подумал, что торопливость в таком деле может навредить. Федор явно спешит вовлечь Кристину во все тяжкие. Тут лучше дольше провозиться на подготовительной стадии перед тем, как пустить ее в дело, чем потом кусать локти. Наверно, рано еще ему присматриваться к этой девушке, пусть она глубже увязнет в паутине Федора, так, чтобы у того не осталось никаких колебаний на ее счет. Вот тогда вдвоем и завершать начатую Зибириным обработку. Дмитрий резко остановился:

– Стоп! Не дави на психику! У меня сейчас голова не работает. – Он вынул руки из карманов, потер лоб. – Ты давай-ка сам еще покрути эту девицу. Прощупай поглубже и подтяни к финишу. А потом и решим.

Зибиринов с досадой поправил ремень на брюках:

– Ладно, черт с тобой, иди, дрыхни! – И шагнул к выходу мимо Пекрасова.

Спустился на нижний этаж, рукой на макушке пригладил волосы и костяшками пальцев постучал в дверь номера. Голос Кристины из-за дверного полотна пригласил:

– Входите. Не заперто. – Она была уже собрана. Желтый топ и короткая темная юбка. Ждала Зибиринова с компаньоном.

Но когда тот появился один, не удивилась. В общем-то, не горела желанием увидеть компаньона Федора. Ее жизненный опыт подсказывал, что Зибиров проявлял интерес к ней не как к женщине для флирта, а с какой-то иной целью, какую она пока не могла постичь. Он что-то говорил о работе, о врожденном таланте, но все это было туманно и недосказано, гадай не гадай, надо подождать, что будет дальше. Сейчас он выручил ее с гостиницей, и это уже хорошо, хотя бы на время облегчил положение. Однако когда не остался на ночь, она испытала внутреннее неудовольствие. Как будто ей отказали в сексуальной привлекательности.

Именно теперь Кристина испытывала сильное чувство одиночества. Холодный пот пробегал по спине, когда вспоминала Нарина, его лицо все это время стояло перед ее глазами. Казалось, его руки до сих пор тянулись к ней, она часто видела их во сне, вздрагивала и просыпалась. Вскакивала среди ночи, включала свет и до утра не выключала.

Тогда ей хотелось, чтобы кто-то лежал рядом, под чье крылышко она могла бы забиться и успокоиться. В ее памяти возникало лицо Хавина, и она с печалью стонала, думая о том, как все хорошо начиналось, но как плохо стало теперь. Она хотела бы все объяснить ему, рассказать о нелепой случайности. Только это было неосуществимо и уже бессмысленно.

Мысли о Хавине ранили душу сильнее, чем мысли о Нарине. Ан ничего вернуть невозможно. Да и не стоило теперь,

ибо смерть Нарина поставило стену между нею и Хавиным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.